Семенов.

Освобожден крестьян

1894

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Н. П. Семенова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія В. В. Комарова, Невскій, № 136—138.
1894

О СУДЬБАХЪ КРЕСТЬЯНСКАГО СОСЛОВІЯ

ВЪ

РОССІИ

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 сентября 1893 года.

Типографія В. В. Комарова. Невскій пр., № 136 - 138.

Освобожденіе крестьянъ произвело огромный переворотъ въ судьбахъ Россіи.

Если сказать, что государство есть политическій организмъ, то безъ сомнѣнія тѣломъ его можно назвать его территорію, а органами его движенія и силы—весь народъ его населяющій, у насъ же въ Россіи—преимущественно крестьянъ, такъ какъ своею численностью они далеко превышаютъ всѣ другія сословія, вмѣстѣ взятыя, и представляютъ рабочія руки государства, въ настоящемъ значеніи этого слова, слѣдовательно, бытъ крестьянъ долженъ быть преимущественно обезпеченъ и они должны быть предметомъ особыхъ заботъ правительства.

Реформа освобожденія затронула, конечно, болѣе всего крестьянскій бытъ и важнѣйшее въ немъ—*крестьянское землевладѣніе.*

Задача освобожденія крестьянъ была разрѣшена оставленіемъ въ ихъ постоянномъ пользованіи, за опредѣленныя положеніемъ повинности, того приблизительно количества земли, которое находилось у нихъ въ надѣлѣ при крѣпостномъ правѣ, и установленіемъ временно-обязательныхъ отношеній ихъ къ бывшимъ помѣщикамъ. Положеніе 19 февраля 1861 года привело и къ полной развязкѣ поземельныхъ отношеній между ними, но опредѣленіе дальнѣйшихъ отношеній освобожденныхъ крестьянъ къ землѣ, сохраненной въ ихъ владѣніи, предоставлялось будущему,

и эти-то отношенія въ тридцатилѣтіе, протекшее съ того времени, опредѣлены не были.

Неопредѣленность крестьянскаго землевладѣнія и есть теперь главный источникъ многихъ недоразумѣній, отчасти даже настоящая причина обѣдненія крестьянъ. Поэтому, наступило время, когда намъ необходимо дать себѣ ясный отчетъ, куда мы идемъ, а для того вникнуть въ характеръ крестьянскаго землевладѣнія и усвоить себѣ сущность его, какимъ оно было у насъ до освобожденія крестьянъ.

Это и составляетъ предметъ настоящаго обзора, который распадается на три отдѣла. Въ первомъ изъ нихъ выясняется, въ какомъ положеніи засталъ крестьянское землевладѣніе великій актъ освобожденія крестьянъ; во второмъ, какъ оно измѣнилось подъ вліяніемъ Положенія 19 февраля 1861 года и послѣдующихъ узаконеній, а въ третьемъ, что̀ предстоитъ еще сдѣлать правительству для установленія прочныхъ отношеній крестьянскаго населенія къ землѣ, предоставленной ему во владѣніе.

I.

Бытъ крестьянъ до обнародованія Положенія 19 февраля 1861 года.

Извѣстно, что въ народномъ представленіи, какъ оно держится въ крестьянствѣ и понынѣ, земля есть Божья; составляющая же нашу русскую территорію—Государева, т. е. принадлежитъ государству, вѣнценоснымъ Вождемъ его олицетворяемому.

Земля, населенная у насъ крестьянами и обработываемая ихъ руками на себя, издавна состоитъ въ постоянномъ владѣніи крестьянства.

Обработкой земли крестьяне всегда служили государству, будучи *крѣпки* землѣ, такъ, что земля въ селахъ и деревняхъ безъ крестьянъ немыслима, какъ немыслимъ и крестьянинъ безъ земли.

Этой естественной связью объясняется та широкая помощь крестьянамъ, которая была оказана мѣстностямъ, пострадавшимъ отъ полнаго неурожая минувшаго 1891 года, въ нѣсколькихъ губерніяхъ, принятіемъ общихъ мѣръ продовольствія и отпускомъ изъ государственной казны болѣе 140 милліоновъ рублей на нужды потерпѣвшихъ крестьянъ, чего правительство ни для какого другого сословія въ государствѣ не могло бы и сдѣлать, по крайней мѣрѣ въ такихъ широкихъ размѣрахъ помощи.

Въ переходахъ исторической жизни Россіи выдѣлилось другое, образовавшее впослѣдствіи наше дворянство, высшее сословіе служилыхъ людей. Правительство, за неустройствомъ еще у насъ правильнаго денежнаго обращенія,

раздавало имъ въ кормленіе земли, а затѣмъ стало награждать ихъ за заслуги правомъ собственности на эти земли, впослѣдствіи же поступилось и завѣтнымъ правомъ государства на рабочую силу крестьянъ, что выразилось въ нашемъ законодательствѣ привиллегіей дворянства пріобрѣтать въ собственность населенныя имѣнія.

Такъ въ существѣ дѣла образовалось у насъ крѣпостное состояніе.

Въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія правительство какъ бы спохватилось, что зашло ужъ слишкомъ далеко въ раздачѣ людей въ кабалу высшему служилому сословію, и стало принимать съ тѣхъ поръ, отъ времени до времени, частичныя и отдѣльныя, хотя и недостаточныя, мѣры къ огражденію крестьянъ отъ произвола помѣщика.

Одною изъ нихъ, принятою въ царствованіе Императора Павла, было установленіе трехдневной барщины.

Эта мѣра попала прямо въ живое мѣсто закрѣпощенія крестьянъ, но къ сожалѣнію, была поставлена довольно неопредѣленно [1]). Это было уже явнымъ сознаніемъ правительства, что оно неосмотрительно дало укрѣпиться за дворянствомъ праву собственности на рабочую силу народа, долженствующую принадлежать исключительно государству.

Еще при Петрѣ Великомъ, послѣ указа его о народной переписи, владѣльцы населенныхъ имѣній, какъ болѣе крупныя фискальныя единицы, были привлечены, для облегченія правительства при взиманіи податей, ко взносу ихъ за крестьянъ къ нимъ приписанныхъ, и за то владѣльцамъ помянутыхъ имѣній предоставлялось вѣдаться съ крестьянами, водворенными на ихъ земляхъ, по своему усмотрѣнію и располагать ихъ рабочей силой.

Если взять дѣло съ этой стороны, то можно посмот-

---

[1]) Неопредѣленность состояла въ томъ, что при установленіи трехдневной барщины въ недѣлю, не былъ установленъ соотвѣтствующій тому размѣръ земельнаго крестьянскаго надѣла; поэтому помѣщикъ, подъ угрозой уменьшить надѣлъ, необходимый для удовлетворенія крестьянскихъ нуждъ, могъ заставить крестьянъ согласиться выходить на барщину сверхъ положенныхъ трехъ дней и въ другіе дни недѣли.

рѣть на него какъ на отдачу правительствомъ части государственной рабочей силы на откупъ высшему въ немъ служилому сословію, безъ опредѣленнаго на то срока. Въ общественномъ разумѣніи въ тѣ времена господствовало понятіе, что откупа представляютъ выгоднѣйшій способъ добыванія государственныхъ доходовъ, а нынѣ ихъ слѣдуетъ назвать восточною формою государственнаго сбора, такъ какъ въ нехристіанскихъ только державахъ Европы и Азіи она еще удерживается [1]).

Съ этой точки зрѣнія освобожденіе крестьянъ было мѣрою совершеннаго уничтоженія противоестественной и невыгодной для государства помянутой сдѣлки правительства съ дворянствомъ.

Въ ходѣ нашего государственнаго развитія, до освобожденія крестьянъ, собственниками *населенныхъ* земель были исключительно государство съ вѣнценоснымъ Вождемъ его во главѣ и дворянство.

Ненаселенныя земли принадлежали такимъ же образомъ государству, за исключеніемъ незначительнаго, относительно пространства всей Россіи, количества ихъ, составлявшаго частную собственность юридическихъ лицъ, какъ то: городовъ, монастырей, коммерческихъ компаній и т. п., а также небольшаго числа отдѣльныхъ лицъ разнаго званія, кромѣ крѣпостныхъ крестьянъ, подъ заводами, фабриками и другими производительными заведеніями. Если эти лица отличались своими талантами и предпріимчивостью и, пріобрѣтая относительно значительныя пространства земли, богатствомъ своимъ, отъ нихъ добытымъ, приносили пользу отечеству, то они обыкновенно признавались, какъ напримѣръ, Строгановы, именитыми людьми, или возводились, какъ напримѣръ Демидовы, съ потомствомъ, въ дворянское достоинство.

---

[1]) Первый предсѣдатель Редакціонныхъ Коммисій по крестьянскому дѣлу І. И. Ростовцовъ какъ бы угадывалъ сродство откупа съ нашимъ крѣпостнымъ правомъ, и потому не разъ порывался связать съ освобожденіемъ крестьянъ и уничтоженіе питейныхъ откуповъ. См. „Освобожд. крестьянъ въ царств. Императора Александра II“. Н. П. Семенова, Томъ первый, стр. 56.

При такомъ распредѣленіи недвижимой земельной собственности, одни только крѣпостные крестьяне не имѣли ея у насъ, хотя въ послѣднее десятилѣтіе существованія крѣпостнаго права это имъ закономъ уже не воспрещалось. За то государственная власть, такъ или иначе, всегда обезпечивала за крестьянами постоянное и неотъемлемое владѣніе землями, на которыхъ они были водворены—были-ли то государственныя или помѣщичьи дворянскія земли, такъ какъ законъ вмѣнялъ всегда въ обязанность помѣщикамъ надѣлять своихъ крестьянъ землею.

Это землевладѣніе, не допускавшее отчуждаемости отъ крестьянъ земли, съ которой они были неразрывно связаны, ограждало все крестьянство отъ потери его осѣдлости, болѣе нежели можетъ оградить всякаго владѣльца право полной собственности на земли, нашимъ законодательствомъ такъ хорошо разработанное, ибо послѣднее не предохраняетъ никакого собственника отъ разоренія, а собственника, имѣющаго лишь клочекъ земли,—отъ впаденія даже въ нищету. При неотчуждаемости владѣнія, только тотъ общій неизмѣнный законъ природы, что народонаселеніе перерастаетъ свою государственную территорію, можетъ, въ болѣе близкомъ или отдаленномъ будущемъ, положить конецъ всякому наилучшему устройству, обезпечивающему бытъ крестьянъ.

При крѣпостномъ правѣ нѣкоторымъ противовѣсомъ прироста населенія въ помѣщичьихъ имѣніяхъ служили слѣдующія положенія того времени:

1) Право помѣщика брать, для своей прислуги, крестьянъ въ дворовые, составлявшіе особый классъ людей, обременявшій впослѣдствіи помѣщичьи хозяйства. Это право давало помѣщику возможность убавлять крестьянское населеніе деревни, перечисленіемъ при всякой ревизіи лишнихъ затяглыхъ и безземельныхъ своихъ крестьянъ въ дворовые люди.

2) Отпускъ крестьянъ на волю, къ чему стремились сами разбогатѣвшіе крестьяне, у которыхъ былъ избытокъ рабочихъ рукъ, означавшій всегда многочисленную семью.

При такомъ выходѣ на волю, крестьяне необходимо переходили въ другія сословія.

3) Продажа крестьянъ *на своз*ъ другимъ помѣщикамъ, переселявшимъ ихъ на свои свободныя земли. Эта продажа была отмѣнена только въ концѣ царствованія Императора Николая I.

4) Право самихъ помѣщиковъ какъ отдачи въ рекруты безъ зачета, такъ и отдачи въ распоряженіе правительства, для ссылки въ Сибирь на поселеніе, порочныхъ крестьянъ, безъ приговора суда.

5) Рекрутскіе наборы, при продолжительныхъ срокахъ военной службы, вырывавшіе людей уже на всю жизнь изъ крѣпостнаго состоянія, даже съ ихъ потомствомъ — будущими кантонистами.

6) Побѣги крѣпостныхъ людей отъ своихъ помѣщиковъ, какъ бы поддерживаемые, въ первой половинѣ текущаго столѣтія, узаконеніемъ, что люди, разъ воспользовавшіеся свободой, хотя бы и неправильно, уже не могли возвратиться въ прежнее свое крѣпостное состояніе.

7) Переходъ въ извѣстныхъ случаяхъ крѣпостныхъ крестьянъ въ государственные, напримѣръ, когда населенныя дворянскія имѣнія, при отсутствіи наслѣдниковъ, какъ *выморочныя*, обращались по закону въ собственность государства и т. п., и тогда крѣпостные люди, къ этимъ имѣніямъ приписанные, дѣлались свободными.

Всѣ эти положенія съ освобожденіемъ крестьянъ отжили свое время.

Умные и дальновидные дворяне-помѣщики, даже не богатые, но имѣвшіе возможность сами непосредственно заниматься своими дѣлами, понимали, что одни эти положенія недостаточны для уравновѣшенія прироста у нихъ населенія, что въ будущемъ тѣснота отъ прибывающихъ должна лишить не только владѣльцевъ населенныхъ имѣній, но и самихъ крестьянъ, ихъ земельнаго достатка, и потому старались пріобрѣтать въ ненаселенныхъ губерніяхъ удобныя для воздѣлыванія пространства земли, на которую въ то время цѣны были очень низки, и высе-

лять туда постепенно лишніе у себя дворы, несмотря на многія препятствія, изъ числа которыхъ немаловажнымъ было тогда противленіе тому самихъ крестьянъ, относившихъ переселеніе въ невѣдомый для нихъ край къ числу бѣдствій, постигающихъ людей въ ихъ жизни. Это объясняется дурнымъ въ то время состояніемъ путей сообщенія, при дальнихъ разстояніяхъ, и неудобствомъ и рѣдкостью сношеній даже съ неотдаленными мѣстностями. Польза и выгода отъ переселенія дѣлались очевидными и осязательными для переселенцевъ уже послѣ водворенія ихъ на новыхъ мѣстахъ.

Такимъ путемъ безъ расходовъ государству были заселены отчасти приволжскія губерніи, хотя и не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это могло бы дѣлаться ужь тогда, при средствахъ, которыми располагаетъ у насъ только правительство [1]).

Но общій перепостъ населенія далеко не насталъ еще и нынѣ для цѣлой Россіи, а ранѣе наступленія этого срока преждевременно было бы законодательствовать по предмету лучшаго при такомъ перепостѣ и пригоднѣй-

---

[1]) Мнѣ былъ близко знакомъ такой случай: извѣстный въ свое время сельскій хозяинъ, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ къ бывшему тогда Министру Государственныхъ Имуществъ графу Павлу Дмитріевичу Киселеву, мичманъ въ отставкѣ, Николай Анатольевичъ Бунинъ, получившій по наслѣдству въ свое распоряженіе небольшое населенное имѣніе въ селѣ Марьинѣ, Тамбовской губерніи, Усманскаго уѣзда, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, изъ небольшихъ сбереженій отъ доходовъ съ имѣнія сталъ понемногу скупать пустыя земли въ малонаселенной тогда Саратовской губерніи, цѣна которымъ была въ то время одинъ рубль серебромъ и пять рублей ассигнаціями за десятину, такъ что въ концѣ накопилось у него этой земли до 8000 десятинъ. На нее онъ переводилъ исподволь, сначала не безъ затрудненій, лишніе у себя дворы. За первыми переселенцами, какъ скоро становилось извѣстнымъ въ его имѣніи о благодатной почвѣ края, гдѣ были вновь поселены ихъ родичи, не только шли охотно другіе, но иные и сами стали проситься къ выселеннымъ, а въ непочатомъ краѣ образовались нынѣ, въ продолженіе десятковъ лѣтъ, довольно густо населенныя деревни. Такимъ образомъ, дальновидные помѣщики, устроивая свои дѣла, и въ тоже время заботясь о благосостояніи крестьянъ, увлекали другихъ помѣщиковъ къ полезнымъ предпріятіямъ, и дѣлали починъ къ удовлетворенію государственной потребности правильнаго разселенія крестьянъ въ необитаемыхъ еще, но привольныхъ странахъ Россіи, что остается продолжать нынѣ, за освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ, только самому правительству.

шаго, въ то время, землевладѣнія. Нынѣ у насъ еще много привольныхъ мѣстъ въ предѣлахъ нашего отечества. Намъ не нужно прибѣгать къ колонизаціи, основывающейся на завоевываніи невѣдомыхъ странъ, къ чему стремятся, пользуясь благопріятнымъ случаемъ и разсчитывая на удачу, съ оружіемъ въ рукахъ, народы Западной Европы. У насъ есть еще необозримыя пространства, требующія только рукъ для извлеченія богатствъ изъ нѣдръ земли. Заселеніе этихъ пространствъ, и особенно нашихъ пустынныхъ окраинъ, для огражденія ихъ отъ вторженія чужестранныхъ, всегда намъ враждебныхъ элементовъ, составляетъ самостоятельную государственную потребность. Нужно только мирно и спокойно связать ее съ другою неотложною потребностью постояннаго и правильнаго выселенія крестьянъ изъ мѣстностей, гдѣ тѣснота дала имъ себя чувствовать, а для этого надо поставить зрѣло и обдуманно, на твердое основаніе, все дѣло переселенія, которое производилось у насъ донынѣ такъ отрывочно и безъ всякой системы [1]).

Историческое территоріальное расширеніе Россіи, прежде чѣмъ она могла населить пріобрѣтенныя ею необъятныя пространства, захваченныя русскою удалью, поставило ее въ положеніе совершенно отличное отъ государствъ Западной Европы и выгодное для развитія нашей внутренней дѣятельности и государственности. Пользоваться этимъ положеніемъ значитъ идти по путямъ, намѣченнымъ нашимъ историческимъ прошлымъ. другими словами, жить своимъ умомъ, а не по чужой указкѣ чуждыхъ намъ и совершенно непримѣнимыхъ къ нашей природѣ и нашему общественному быту и строю, политическихъ, соціальныхъ, а отчасти и философскихъ ученій Западной Европы. На это должно наводить насъ самое простое и здравое размышленіе.

---

[1]) См. статью „Значеніе Россіи въ колонизаціонномъ движеніи Европейскихъ народовъ", П. П. Семенова, читанную въ общемъ собраніи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 4 ноября 1892 года, стр. 14—21.

Тутъ кстати сказать, что при теперешнемъ положеніи и настроеніи культурныхъ государствъ допускать иностранцевъ, какъ это дѣлалось и не такъ еще давно, заводить въ нашихъ предѣлахъ свои колоніи или пріобрѣтать у насъ въ собственность большія пространства земли, для добыванія изъ нея нашихъ разнообразныхъ природныхъ богатствъ, это все равно, что раздавать по частямъ, безъ боя, нашимъ врагамъ, къ ихъ обогащенію, нашу государственную территорію, и лишать такимъ образомъ, въ близкомъ или болѣе отдаленномъ будущемъ, нашъ народъ мѣстъ его осѣдлости или промысла и пропитанія, изъ временной, сомнительной, но всегда ничтожной для насъ выгоды. Эта истина, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ у насъ далеко еще не всѣми себѣ усвоена.

И такъ, *крестьянское землевладѣніе* требуетъ нынѣ вѣрнаго его опредѣленія и устойчиваго положенія.

Это владѣніе на нашихъ окраинахъ (въ Финляндіи, Прибалтійскихъ, Привислянскихъ и даже Западныхъ губерніяхъ, граничащихъ съ послѣдними) устанавливалось подъ сильнымъ иноземнымъ воздѣйствіемъ. Природа Кавказа, отличная отъ всей Европейской Россіи, по его климату и горному положенію, представляла всегда особыя условія для воздѣлыванія земли и пользованія ею. Малороссія, находившаяся въ свое время подъ вліяніемъ Польши и населенная прежде казачествомъ, выработала свой особенный бытъ, а во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, гдѣ образовалось когда-то ея зародышное ядро, и откуда исходило объединеніе всего нашего обширнаго государства, возникло своеобразное *общинное владѣніе* крестьянъ землями, на которыхъ они были водворены. Поэтому на построеніи у насъ *общины* должно сосредоточиться наше вниманіе.

Когда она образовалась и какъ постепенно складывалась—на это нѣтъ у насъ достаточныхъ историческихъ данныхъ. Представленія о томъ нашихъ ученыхъ изслѣдователей не довольно опредѣленны и даютъ поводъ въ нашей исторической и повременной литературѣ къ

различнымъ воззрѣніямъ, а нерѣдко и къ горячимъ спорамъ, относительно значенія общины [1]), но для нашей цѣли это не существенно важно. Намъ достаточно знать строй общины, какимъ онъ былъ въ наше время, до освобожденія крестьянъ. Вѣрно одно, что община могла возникнуть только при крестьянскомъ землевладѣніи, такъ какъ общинное владѣніе несовмѣстно съ правомъ полной собственности, установленнымъ нашимъ законодательствомъ. Мнѣ довелось съ дѣтства видѣть строй крестьянской жизни, поэтому мнѣ можно говорить объ этомъ предметѣ по моимъ собственнымъ многолѣтнимъ наблюденіямъ.

Русская община была построена прямо на *семейномъ началѣ*. Вся дача, состоявшая во владѣніи одной общины, раздѣлялась на равные по размѣрамъ и достоинству участки, достаточные для прокормленія цѣлой семьи, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Эти участки распредѣлялись между членами общины такъ, что только женатые, мужъ и жена съ будущими, другими словами семья, имѣли право на полученіе таковаго участка.

Разравненіе земельныхъ участковъ между крестьянами, по качеству земли, расположенію дачи, большему или меньшему отдаленію отъ двора или поселка и т. п., достигало у нихъ безобидной справедливости, и можно сказать, идеальнаго совершенства. Усадебными мѣстами, требовавшими удобства для поселенія, крестьяне разверстывались особо, а такъ какъ въ общинѣ они имѣли обычай селиться рядомъ—дворъ возлѣ двора, то отводимые семьямъ земельные участки не могли быть пріурочиваемы ко всѣмъ дворамъ и, такимъ образомъ, находиться съ ними въ одной окружной межѣ. Это и было главнѣйшею причиною черезполосности каждаго участка съ другими. Эта черезполосность стоитъ, можно сказать, въ противоположности съ фермернымъ расположеніемъ, такъ какъ она находится въ прямой зависимости отъ способовъ разселенія, ко-

---

[1]) Свидѣтельствомъ тому служитъ книжка К. Головина: „Сельская община въ литературѣ и дѣйствительности“. С.-Петербургъ. 1887 года.

торые въ свою очередь обусловливаются климатическимъ и физическимъ положеніемъ мѣста [1]).

Каждая семейная (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) единица, надѣленная земельнымъ участкомъ, составляла *тягло*, которое въ свою очередь входило въ составъ болѣе обширнаго семейнаго союза—*двора*. Обыкновенно во дворъ входило и два и болѣе тяголъ, но были и однотягольные дворы [2]). Ихъ относительное число было незначительно, потому что новое тягло налагалось на молодую, только что возникшую въ составѣ двора, брачную пару, которая, по юному возрасту и неопытности, не могла еще составить самостоятельнаго двора, поэтому однотягольный самостоятельный дворъ образовывался не иначе, какъ упраздненіемъ нѣкоторыхъ тяголъ многотягольнаго двора, или отдѣленіемъ отъ него одного, конечно, ужь не молодаго тягла, т. е. *семейнымъ* раздѣломъ, который, впрочемъ, происходилъ въ случаяхъ, вызываемыхъ только необходимостью.

Само собою разумѣется, что если однотягольный дворъ, по недостатку въ немъ рабочихъ рукъ, могъ удовлетворять только нуждамъ своего хозяйства и исправному отбыванію своихъ повинностей, то многотягольный, при порядочной жизни его членовъ, богатѣлъ, отъ того, что лишнихъ во дворѣ онъ могъ выпускать въ разные заработки и промыслы на сторонѣ. Доставленіе ими въ свои семьи сбереженій отъ добываемыхъ трудомъ средствъ, при патріархальной зависимости каждаго члена отъ главы

---

[1]) Въ земледѣльческой черноземной полосѣ Россіи крестьяне всегда селились и селятся крупными, сплоченными поселками, расположенными вдоль теченія рѣкъ или, по крайней мѣрѣ, вдоль такихъ ложбинъ, которыя способны къ образованію запрудъ, такъ какъ въ обширныхъ и ровныхъ междурѣчныхъ пространствахъ, за отсутствіемъ воды, при чрезмѣрной глубинѣ почвенныхъ водъ, образованіе поселковъ невозможно, и самая природа не допускаетъ устройства мелкихъ фермъ.

[2]) При накидкѣ тяголъ, молодой брачной парѣ предоставлялся иногда, на первое время, и полутягловой участокъ, а при скидкѣ выходящей изъ рабочаго возраста четѣ, оставлялся, также временно, полутягловой. Дальнѣйшая же дробимость тягловыхъ участковъ—до четверти тягла—допускалась лишь въ немногихъ мѣстностяхъ, и въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ.

семьи, домохозяина—представителя ея рабочей силы передъ общиной, а у крѣпостныхъ крестьянъ и передъ помѣщикомъ, доводило нерѣдко семью до такого благосостоянія, что въ лицѣ своего главы она выкупалась изъ крѣпости на волю, воспользовавшись которой иные крестьяне пріобрѣтали иногда видное положеніе въ обществѣ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что общинный порядокъ прежде всего укрѣплялъ въ крестьянахъ семейную связь, которая держала молодыхъ членовъ семьи въ необходимой дисциплинѣ. Эта семья давала имъ съ самаго дѣтства воспитаніе, основанное на преданіяхъ, обычаяхъ и вѣрованіяхъ народныхъ, и добрыми примѣрами жизни, съ самаго ранняго возраста развитія, указывала имъ настоящіе пути. Того, что даетъ такое воспитаніе, не замѣняетъ школа, посѣщаемая въ болѣе поздній возрастъ. Ея задача развивать и укрѣплять умъ сообщеніемъ знаній, и въ лучшемъ случаѣ научать пріемамъ: какъ пріобрѣтать ихъ и пользоваться ими. Однѣ теоріи никому не служили руководствомъ въ жизни.

Умноженіе крестьянской семьи, при системѣ тягловаго надѣла, не ложилось на нее бременемъ, какъ это бываетъ въ семьяхъ другихъ сословій, при трудностяхъ добыванія средствъ къ существованію. При описанномъ устройствѣ землевладѣнія у крестьянъ была всегда неотлучная отъ нихъ земля — ихъ кормилица, а на случай общей невзгоды, было въ виду особое о нихъ попеченіе помѣщика и правительства.

Въ до петровское время тягло было не только единицею рабочей силы и крестьянскаго надѣла, но и податною единицею какъ для взиманія натуральной, такъ и денежной повинности. Съ тѣхъ же поръ какъ Петръ Великій, съ цѣлью болѣе правильнаго учета населенія при собираніи податей, ввелъ такъ называемыя ревизіи, т. е. правильное народоисчисленіе всѣхъ возрастовъ населенія, правительство установило своею фискальною единицею *душу мужскаго пола*, и въ кредитныхъ казенныхъ учрежденіяхъ, при залогѣ недвижимыхъ имѣній, принимались

уже въ разсчетъ души, а не земли и не тягловые участки[1]). Также въ частныхъ сдѣлкахъ, до начала спеціальнаго полюбовнаго межеванія дачъ между ихъ владѣльцами (учрежденнаго въ 1836 году), во всѣхъ актахъ укрѣпленія на населенныя имѣнія означалось лишь число душъ, съ неопредѣленной оговоркой: „съ владѣемой землею“.

Введеніемъ подушной подати, исчесляемой по ревизскимъ душамъ, правительство вошло уже издавна въ разладъ съ обычаями и бытомъ народа. Но, не смотря на это измѣненіе податной единицы, народъ и помѣщики удержали, не только въ XVIII, но и въ первой половинѣ XIX вѣка, тягольный порядокъ надѣла. Барщина по прежнему отбывалась тяглами — единицами рабочей силы, и даже въ оброчныхъ имѣніяхъ слѣдовавшіе помѣщикамъ оброки разверстывались и взимались преимущественно по тягламъ, а не по душамъ. Только казенныя подушныя подати накладывались и разверстывались неизмѣнно по числу ревизскихъ душъ мужскаго пола, значащихся по спискахъ въ каждой крестьянской семьѣ. Но такъ какъ, по правиламъ составленія этихъ списковъ—*ревизскихъ сказокъ*,—записанныя въ нихъ ревизскія души не исключались изъ списковъ до новой ревизіи, то за всѣ выбывшія, хотя бы и за смертію, души, община по закону продолжала платить подати. Это и дало поводъ нашему незабвенному писателю Гоголю прозвать такихъ умершихъ, но не выключенныхъ изъ списковъ крестьянъ, *мертвыми душами*.

Повинности за эти мертвыя души нерѣдко накладывались крестьянскими общинами на зажиточныя и богатыя числомъ рабочихъ рукъ семьи, по собственнымъ крестьянскимъ соображеніямъ.

[1]) Еще крестьянинъ Посошковъ, жившій въ царствованіе Петра Великаго и оставившій потомству три записки, находилъ распредѣленіе податей и повинностей по душевой раскладкѣ неудовлетворительнымъ, и выразился объ этомъ въ такихъ словахъ: „А и во счисленіи душевомъ не чаю жь я проку быти, понеже душа вещь неосязаемая и умомъ непостижимая, и цѣны не имущая; надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя“. „См. сочин. Ивана Посошкова“. Изд. Михаила Погодина. Москва 1842, стр. 185.

Только послѣ 1836 года, съ учрежденіемъ новаго тогда Министерства Государственныхъ Имуществъ, былъ нанесенъ серіозный ударъ исконному тягловому порядку крестьянскаго землевладѣнія.

Вмѣсто того, чтобы надѣлять по прежнему бытовую тягловую единицу, какъ по мѣрѣ ея возникновенія продолжали дѣлать это помѣщики, количествомъ земли, потребнымъ для обезпеченія быта тягловой семьи и исправленія ея повинностей, Министерство Государственныхъ Имуществъ стало отводить земли общинамъ, по числу *ревизскихъ душъ*, оставляя этотъ надѣлъ неизмѣннымъ отъ ревизіи до ревизіи и увеличивая его изъ запасныхъ казенныхъ земель лишь въ томъ случаѣ, если новая ревизія обнаруживала приростъ населенія. Но къ счастію надѣлы государственныхъ крестьянъ были такъ велики, что обыкновенно превосходили дѣйствительную ихъ потребность въ землѣ, и общины нерѣдко пользовались этимъ для удержанія своего тягловаго порядка надѣленія землею и только въ случаяхъ малоземелья, или по требованію власти, переходили отъ своей бытовой *тягловой* единицы къ искусственной—*душевой*.

Здѣсь кстати припомнить, что у государственныхъ крестьянъ съ 1836 года и общинное управленіе внутренними, а отчасти и семейными, ихъ дѣлами было въ значительной мѣрѣ стѣснено казеннымъ управленіемъ цѣлаго штата чиновниковъ, на которыхъ было возложено не только попеченіе о пользахъ и нуждахъ крестьянскаго сословія, но и руководство его хозяйственными дѣлами. Придумано было дѣленіе крестьянъ на волости, учрежденіе волостныхъ старшинъ волостной расправы въ видѣ домашняго суда, волостныхъ сходовъ и волостнаго писаря, въ рукахъ котораго, за безграмотностью крестьянъ, и сосредоточивалось собственно вершеніе мірскихъ дѣлъ [1]).

Это учрежденіе прибавило множество статей къ своду

---

[1]) См. „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II“. Н. П. Семенова. С.-Петербургъ, 1889—1892 г. Томъ первый, стр. 301—310.

нашихъ законовъ, но регламентація народной жизни не отразилась на государственныхъ крестьянахъ такимъ подъемомъ ихъ благосостоянія, который соотвѣтствовалъ бы предпринятымъ тогда заботамъ правительства и увеличеннымъ расходамъ государственнаго управленія, и если къ 1861 году уровень благосостоянія государственныхъ крестьянъ и былъ нѣсколько выше уровня благосостоянія бывшихъ крѣпостныхъ, то это преимущество издавна, еще до 1836 года, было обусловлено различіемъ положенія государственныхъ крестьянъ, у которыхъ надѣльные участки были бóльшаго размѣра, нежели у бывшихъ помѣщичьихъ, а по неимѣнію казенныхъ запашекъ, у государственныхъ крестьянъ не было барщины, слѣдовательно они всегда пользовались бóльшею свободою труда.

Обращаясь къ бытовому тягольному порядку крестьянскаго землевладѣнія замѣтимъ, что при немъ *общихъ передѣловъ*, въ смыслѣ измѣненія величины и состава тягловыхъ участковъ, почти совсѣмъ не было, да за рѣдкими исключеніями, и быть не могло, а бывала только *скидка* и *накидка* тяголъ, то есть надѣленіе возникающихъ тяголъ упразднившимися, или вновь образуемыми тягловыми участками. Такая скидка и накидка надѣловъ, по уничтоженіи тягольной системы, получила въ административной практикѣ названіе *частнаго передѣла*.

Скидка тягла производилась не только когда брачная пара, составлявшая тягло, уничтожалась смертью одного изъ супруговъ, но и тогда, когда тягловой работникъ отъ дряхлости, немощи или хронической болѣзни, утрачивалъ способность къ работѣ. Накидка же тягла происходила всякій разъ, когда во дворѣ появлялась новая брачная пара. Такимъ образомъ однотягольные дворы превращались въ двухъ или болѣе тягольные, а въ многотягольныхъ дворахъ происходила отъ времени до времени то скидка, то накидка тяголъ, при чемъ тягловые участки, въ полномъ и неизмѣнномъ ихъ составѣ, оставались во владѣніи тяголъ или брачныхъ паръ во все продолженіе ихъ рабочей жизни, и только по упраздненіи тяголъ, владѣвшихъ

этими участками, послѣдніе въ томъ же составѣ передавались вновь возникающимъ тягламъ, или того же двора, или другихъ дворовъ.

Исключительные случаи настоящаго, общаго передѣла, именно измѣненія величины и состава тягловыхъ участковъ, происходили тогда только, когда помѣщикъ измѣнялъ, по своимъ нуждамъ или разсчетамъ, установившійся прежде размѣръ тягловаго участка, или, по своимъ хозяйственнымъ соображеніямъ, замѣнялъ состоявшую во владѣніи всей общины земельную дачу, или хотя и часть ея, другою.

Къ такимъ передѣламъ въ государственныхъ и удѣльныхъ имѣніяхъ повода конечно не встрѣчалось. Тамъ, при постепенномъ возрастаніи населенія, если число тяголъ, т. е. брачныхъ паръ, постепенно увеличивалось, то эти новыя пары безпрепятственно получали новые тягловые участки изъ общаго запаса пустопорожнихъ, казенныхъ и удѣльныхъ земель.

Въ крайне рѣдкихъ случаяхъ малоземелія казенныхъ имѣній часть крестьянъ этихъ имѣній была выселяема правительствомъ на свободныя казенныя земли другихъ мѣстностей и губерній. Принятый Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, со времени его учрежденія, способъ надѣленія общинъ не по тягламъ, какъ было объяснено выше, а по числу душъ, прибывшихъ къ новой ревизіи, не измѣнилъ однако крестьянскихъ надѣловъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ общины не бросили своей прежней тягольной разверстки земли, тамъ же, гдѣ онѣ, подъ вліяніемъ окружныхъ чиновниковъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, перешли къ душевой разверсткѣ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этой разверстки явились общіе передѣлы, т. е. измѣненія въ количествѣ и составѣ надѣла каждой семьи послѣ каждой ревизіи.

Но если, въ послѣднее двадцатипятилѣтіе существованія крѣпостнаго права, тягловой порядокъ крестьянскаго землевладѣнія, по самому существу своему исключающій *передѣлы*, въ смыслѣ измѣненія величины и состава хо-

зяйственныхъ земельныхъ участковъ, и былъ поколебленъ между государственными крестьянами, то въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, особливо въ состоящихъ на барщинѣ, онъ удерживался до 1861 года, не смотря на то, что запасовъ свободныхъ земель для образованія новыхъ тягловыхъ участковъ въ этихъ имѣніяхъ было гораздо менѣе, чѣмъ въ государственныхъ, такъ какъ въ экономіи помѣщика соблюдалось обыкновенно, чтобы полевая дача его, которая обработывалась трудомъ его крестьянъ, имѣла количество земли равное тому, какое поступало къ нимъ въ тягольный надѣлъ. Поэтому, при увеличеніи числа тяголъ, помѣщику приходилось брать изъ своихъ запасовъ—степныхъ или лѣсныхъ залежей—не только землю для надѣленія новыхъ тяголъ, но и для соотвѣтствующаго увеличенія помѣщичьей запашки. Такимъ образомъ во многихъ имѣніяхъ запасы свободныхъ земель могли совершенно истощиться; впрочемъ эти случаи были не особенно часты при крѣпостномъ правѣ.

Общее число крѣпостныхъ людей въ Россіи, въ теченіе девятнадцатаго вѣка до 1861 года, почти не возрастало и производившіяся у насъ послѣднія три ревизіи крѣпостнаго населенія за текущее столѣтіе повторяютъ почти одну и ту же цифру этого населенія [1]). Отъ того-то

---

[1]) Предсѣдателемъ Статистическаго Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Петромъ Петровичемъ Семеновымъ были сообщены мнѣ слѣдующія свѣдѣнія и сдѣланные имъ выводы изъ цифръ: „По исчисленію бывшихъ крѣпостныхъ людей *полною* точностью отличаются только цифры послѣднихъ трехъ ревизій, а именно 8-й и 9-й, превосходно обработанныя Академикомъ Кеппеномъ и 10-й ревизіи—бывшимъ Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ А. Г. Тройницкимъ. Въ Европейской Россіи число крѣпостныхъ (со включеніемъ дворовыхъ) было:

По	8-й ревизіи	(1835 года) . . .	10.870,041	мужскаго пола.
„	9-й „	(1851 года) . . .	10.707,467	„ „
„	10-й „	(1859 года) . . .	10.694,445.	„ „

Отсюда слѣдуетъ, что въ 24 года (съ 1835 по 1859 годъ) число крѣпостныхъ уменьшилось на 175,596 душъ, т. е. на 1,6%, хотя общій приростъ населенія за тѣже 24 года составлялъ 16,8%. Убыль въ числѣ крѣпостныхъ распредѣлялась, конечно, неравномѣрно. Въ нѣкоторыхъ группахъ губерній обнаруживалась даже прибыль, а именно: въ Новороссійскихъ и Нижневолжскихъ, куда направлялось переселеніе крѣпостныхъ, а также въ Юго-западныхъ, гдѣ были введены инвентари. Въ остальныхъ

въ большинствѣ помѣщичьихъ имѣній происходила накидка тяголъ, соотвѣтствующая ихъ скидкѣ, и въ образованіи новыхъ тягловыхъ участковъ рѣдко предстояла надобность.

Съ одной стороны указанные мною вначалѣ (стр. 8 и 9) способы уменьшенія прироста крестьянскаго населенія давали помѣщикамъ возможность удерживать въ распоряженіи ихъ экономій свободныя земли, съ другой правительство постоянно стремилось въ текущемъ столѣтіи къ стѣсненію и уничтоженію крѣпостнаго права, что уже достаточно выразилось въ общемъ положеніи закона, что разъ воспользовавшійся свободой, хотя бы и неправильно, не могъ возвратиться въ крѣпостное состояніе. Этимъ, въ совокупности съ другими причинами, истекавшими изъ нашего государственнаго, гражданскаго и общественнаго развитія, было достигаемо желательное тогда уменьшеніе крѣпостнаго населенія въ Россіи.

Съ освобожденіемъ крестьянъ причины уменьшенія

же губерніяхъ убыль простиралась отъ 2,5% до 6% въ 21 года. Послѣ освобожденія крестьянъ 19 Февраля 1861 года естественный прирость бывшаго крѣпостнаго населенія сталъ быстро увеличиваться: изъ 10.694,445 душъ мужскаго пола крѣпостныхъ 10-й ревизіи получили земельные надѣлы 10.210,500 душъ мужскаго пола, такъ какъ остальные, положеніемъ 19 Февраля, были признаны *дворовыми*, а слѣдовательно, не подлежащими надѣлу землею. По произведенной въ 1878 году Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ поземельной переписи, разработанной центральнымъ статистическимъ Комитетомъ, эти 10.210,500 душъ мужскаго пола обратились въ теченіе 19 лѣтъ, съ 1853 по 1878 годъ, въ 12.374,900, слѣдовательно, дали прироста 2.164,400 мужскаго пола душъ, т. е. 21%. Этотъ прирость распредѣлялся, конечно, неравномѣрно по Имперіи. *Наименьшій* (12%) обнаружился въ губерніяхъ Московской промышленной области, гдѣ съ развитіемъ фабричной дѣятельности представлялись бывшимъ крѣпостнымъ крестьянамъ особыя выгоды переходить въ другія сословія, перерость *ниже средняго* проявлялся въ губерніяхъ: Уральскихъ и Петербургской съ прилежащей къ ней пріозерною группою губерній. *Средній* перерость (20%) въ центральныхъ черноземныхъ и приволжскихъ; *выше средняго* (25%) въ Юго-западныхъ и Малороссійскихъ, и наконецъ *высшій* въ Бѣлорусскихъ (28%), Сѣверо-западныхъ (32%), гдѣ положеніе крестьянъ было наиболѣе улучшено, и въ Новороссійскихъ (40%), гдѣ, при выгодныхъ условіяхъ сбыта сельскихъ произведеній, населеніе имѣетъ болѣе земельнаго простора". См. „9-я ревизія", трудъ Кеппена, изд. Императорской Академіи Наукъ. С.-Петербургъ, 1857 года, и „Крѣпостное населеніе въ Россіи по 10-й народной переписи" Тройницкаго. С.-Петербургъ, 1861 года.

крѣпостнаго населенія сами собой уничтожились, а правительство никакихъ послѣдовательныхъ мѣръ къ своевременному выселенію избытка крестьянскаго населенія уже не принимало, и естественно, что съ упраздненіемъ крѣпостнаго права, крестьянское населеніе, водворенное на земляхъ, принадлежавшихъ дотолѣ дворянству, стало быстро увеличиваться, какъ это видно изъ приведенныхъ въ выноскѣ данныхъ, и поэтому нынѣ становится неотложнымъ разрѣшеніе вопроса о правильномъ и постоянномъ разселеніи прибывающихъ крестьянъ, которымъ недостаетъ уже земли въ мѣстѣ ихъ жительства, на другія незаселенныя, удобныя и заранѣе къ тому приспособляемыя мѣста на всемъ пространствѣ Россіи. Заботы объ этомъ должны лечь теперь на одно правительство, такъ какъ дворянство помогать ему въ этомъ дѣлѣ, какъ это бывало прежде, уже не можетъ. При этомъ слѣдуетъ подумать и о возможныхъ облегченіяхъ всякаго выхода изъ крестьянскаго въ другія сословія тѣмъ, которымъ такіе переходы могутъ доставить несомнѣнныя выгоды.

До освобожденія крестьянъ были въ частности и такія имѣнія, гдѣ населеніе росло безостановочно своимъ естественнымъ ходомъ. Въ этихъ случаяхъ приходилось помѣщикамъ выводить, какъ было показано выше, переросшее населеніе на купленныя ими въ многоземельныхъ губерніяхъ пустопорожнія земли или, когда совсѣмъ того не дозволяли средства, образовывать новые тягловые участки изъ запашекъ господской экономіи. При этомъ трудъ лежавшей на крестьянахъ части барщины уже не находилъ себѣ примѣненія и замѣнялся денежной платой—оброкомъ. Это называлось *смѣшанною* повинностью. Наконецъ, когда сокращенная помѣщичья запашка не заслуживала уже хлопотъ помѣщика и содержанія управляющаго или приказчика, вся земля имѣнія, даже и въ черноземной полосѣ Россіи, предоставлялась въ пользованіе крестьянъ, которые переводились на *чистый оброкъ.*

Противники общиннаго владѣнія землею считаютъ однимъ изъ главныхъ недостатковъ этой формы владѣнія

передѣлы, совершенно не отличая двухъ упомянутыхъ выше видовъ передѣла *общаго* и *частнаго*, или передѣла въ величинѣ и составѣ надѣльныхъ участковъ, отъ простой ихъ *скидки* и *накидки*.

Природный здравый смыслъ русскаго человѣка создалъ общину. Она ограждала его самостоятельность въ тяжелыя времена крѣпостной зависимости, которую онъ несъ долгіе годы до освобожденія крестьянъ на волю; хотя и расшатанная вѣяніемъ реформъ, община до нынѣ еще держится, какъ основа русскаго народнаго быта. Ломать этотъ бытъ, съ его крѣпкимъ семейнымъ началомъ, есть тоже самое, что разорять гнѣздо, которое свивала жизнь для своего существованія и продолженія. Такое разореніе оставляетъ народъ беззащитнымъ на перепутьи, на которомъ гнѣздо уже не можетъ опять скоро и удобно построиться. Это разореніе есть подрывъ государственныхъ народныхъ силъ. Это, наконецъ—безчеловѣчное дѣло.

Иные наши экономисты думаютъ еще, что община, съ присущими ей скидками и накидками земельныхъ участковъ, но съ весьма рѣдкими и только въ исключительныхъ случаяхъ допускаемыми общими передѣлами, служитъ препятствіемъ къ улучшенію хозяйства и переходу отъ нашей трехпольной, *экстензивной* системы, къ многопольнымъ, плодоперемѣннымъ *интензивнымъ* хозяйствамъ [1]). Это

---

[1]) Въ Волоколамскомъ уѣздѣ Московской губерніи, въ общинѣ деревни Хрулево, крестьяне обращались къ предсѣдателю тамошней уѣздной земской управы Дмитрію Николаевичу Шипову съ просьбой снабдить ихъ сѣменами клевера и показать имъ какъ устроить восьмипольный сѣвооборотъ, между тѣмъ какъ въ иныхъ общинахъ былъ уже введенъ четырехпольный, къ которому они пришли сами, чтобъ уменьшить у себя площадь вывоза удобренія. Надѣльная земля крестьянъ въ помянутой деревнѣ раздѣлена уже теперь на восемь полей, и въ первый разъ 14 Апрѣля сего 1892 года по ржищу посѣянъ клеверъ. Одновременно съ удовлетвореніемъ ходатайства крестьянъ деревни Хрулево поступило въ означенную выше управу множество такихъ же ходатайствъ и отъ другихъ сельскихъ обществъ, и они удовлетворяются по мѣрѣ возможности. Эти свѣдѣнія сообщены мнѣ были Старшимъ Чиновникомъ Кодификаціоннаго Отдѣла при Государственномъ Совѣтѣ Сергѣемъ Антоновичемъ Шиповымъ-Шульцемъ.

опровергается доставленными мнѣ въ послѣднее время свѣдѣніями, что въ Московской и Тульской губерніяхъ, гдѣ густое населеніе, сами крестьяне, при общинномъ землевладѣніи, начинаютъ переходить къ интензивнымъ—четырехпольному, а мѣстами и восьмипольному хозяйствамъ.

Переходы отъ одной системы хозяйства къ другой вызываются не абсолютнымъ совершенствомъ той или другой системы, а природой мѣста и условіями, окружающими хозяйство. Такъ, при бѣдности населенія и при недостаткѣ рабочихъ на большихъ и непочатыхъ пространствахъ земли, особливо же при недостаткѣ или отдаленности промышленныхъ центровъ, гдѣ потребляются произведенія плодоперемѣннаго интензивнаго хозяйства, экстензивное трехпольное будетъ самымъ удовлетворительнымъ и экономическимъ. Наоборотъ, при очень густомъ населеніи и большемъ числѣ свободныхъ рукъ, но при маломъ или вовсе недостаточномъ количествѣ земли возобладаютъ скоро интензивныя, многопольныя хозяйства.

Чтожь до русскаго крестьянина, то онъ по натурѣ своей очень смѣтливъ и переимчивъ, но чуждъ увлеченій. Если хотятъ заманить его новизною, хотя бы и полезною, онъ поддается не скоро. Теоретическія соображенія ему непонятны. Сначала онъ даже враждебно относится къ новизнѣ. Когда же для него дѣлается осязательною польза вновь предпринимаемаго по сосѣдству его дѣла, онъ перенимаетъ его скоро; какъ напримѣръ, молотилки при появленіи ихъ въ большихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ сначала возбуждали неудовольствіе крестьянъ и были случаи, мнѣ извѣстные, умышленной порчи машины работниками во время молотьбы, а потомъ, когда крестьяне присмотрѣлись и поняли ясно всю неуспѣшность молотьбы цѣпами—орудіемъ крайне несовершеннымъ, то начали покупать и даже сами дѣлать молотилки, такъ что теперь въ каждомъ богатомъ дворѣ есть своя молотилка, которая не только обмолачиваетъ хлѣбъ у крестьянъ, но нанимается иногда и въ имѣнія достаточныхъ землевладѣльцевъ въ урожайные годы, на подмогу къ дѣйствующей у нихъ своей молотилкѣ.

Нѣкоторые думаютъ, что хозяйство процвѣтаетъ и земля хорошо воздѣлывается тогда только, когда она составляетъ *личную* собственность хозяина, и онъ знаетъ, что она никогда отъ него не отойдетъ. На это слѣдуетъ замѣтить, что при общинномъ владѣніи крестьянинъ и не представляетъ себѣ, чтобы земля могла отъ него отойти.

Часто повторяемое мнѣніе, что особый трудъ и стараніе прилагаются въ сельскомъ хозяйствѣ только тогда, когда земля находится въ личной потомственной собственности хозяина, едва-ли основательно. Мы знаемъ, что и временный владѣлецъ-арендаторъ не щадитъ своего труда на усовершенствованіе хозяйства, и даже кладетъ свой капиталъ на улучшеніе въ немъ, когда срокъ аренды достаточно продолжителенъ, и особенно если аренда, какъ это иногда бываетъ, пожизненная, а что же можетъ быть продолжительнѣе неотчуждаемаго владѣнія государственными землями, если и приравнить его къ арендѣ. Хотя законы о наслѣдованіи недвижимаго имущества въ нашемъ законодательствѣ относятся лишь къ праву собственности на него, а не ко владѣнію имъ, тѣмъ не менѣе въ общинахъ земля почти всегда оставалась въ рукахъ однихъ и тѣхъ же крестьянъ, составляющихъ общину, пожизненно и даже потомственно, пока наслѣдники въ состояніи править тягло.

Общинное владѣніе, какъ оно существовало при крѣпостномъ правѣ и какъ оно существуетъ и донынѣ во всей Россіи, кромѣ западной ея окраины, нельзя назвать *коммунизмомъ*, потому что нигдѣ не осуществленный, по крайней мѣрѣ въ старомъ свѣтѣ, коммунизмъ [1]) требуетъ нераздѣльности всего и полнаго равенства каждаго во всемъ, между тѣмъ какъ въ общинѣ все раздѣлено, что кому принадлежитъ, и если земельные участки каждаго тягла и выравнены до возможности, то количество рабочихъ силъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и число участковъ въ каждомъ

---

[1]) Въ книгѣ А. С. Іонина: „По южной Америкѣ" (стр. 425—431) авторъ ея находитъ осуществленіе настоящей коммуны въ Парагвайской республикѣ, когда въ XVI вѣкѣ были тамъ поселены въ качествѣ миссіонеровъ Іезуиты, въ концѣ того же вѣка оттуда изгнанные.

болѣе обширномъ семейномъ союзѣ—дворѣ, не одинаково.

Всѣ дѣла общины, какъ накидка участковъ и скидка тяголъ, рѣдкіе общіе передѣлы, распредѣленіе податей и сборовъ, разборовъ споровъ и недоумѣній между членами общины и жителями ея деревни, словомъ, всѣ внутреннія и домашнія дѣла вѣдала сама община безконтрольно, хотя помѣщикъ, конечно, признавалъ ее себѣ подвластною; но онъ регулировалъ только отношенія ея къ себѣ, а въ ея собственныя дѣла и дрязги обыкновенно не вмѣшивался, если сами члены общины не приходили къ нему просить его вмѣшательства. Также точно, принимая тягло отвѣтственной передъ собой единицей рабочей силы, помѣщикъ не вмѣшивался и въ отношенія членовъ семьи между собою. Такимъ образомъ, внутренняя жизнь общины, и при крѣпостномъ правѣ, развивалась и текла самостоятельно и свободно.

Община управлялась *Міромъ*, который въ обширномъ значеніи этого слова, по народному понятію, объемлетъ всѣхъ православныхъ, а въ тѣсномъ крестьянскомъ значеніи всѣхъ жителей деревни, такъ или иначе входящихъ въ составъ общины и принимавшихъ поэтому участіе въ сельскихъ сходахъ, на которыхъ рѣшались безапелляціонно ея дѣла.

Рѣшеніе по этимъ дѣламъ постановлялось не иначе какъ *единогласно*, такъ что, если не всѣми наличными на сходѣ было принято, оно считалось несостоявшимся.

Крестьяне и до сего времени не понимаютъ *рѣшающаго большинства* голосовъ. Они знаютъ, что по каждому дѣлу правильное рѣшеніе можетъ быть только одно, что ему надлежитъ быть самымъ умнымъ, т. е. правдивымъ и наилучшимъ образомъ развязывающимъ дѣло, что для отысканія истины усилія нѣсколькихъ умовъ надежнѣе усилій одного ума, что поэтому, когда такое рѣшеніе отыскано, то всѣ должны принять его. Изъ этого выходило, что всякій несогласный съ выразившимся общимъ мнѣніемъ, когда видѣлъ подъ конецъ схода, что онъ остается одинъ или въ ничтожномъ числѣ съ другими, и

нѣтъ ему другаго исхода, какъ совсѣмъ отдѣлиться одному или съ немногими отъ Міра, т. е. не принадлежать уже и къ общинѣ, то сознательно и добровольно подчинялся общему рѣшенію, признавая тѣмъ самымъ *главенство* надъ собою Міра.

Такой можно сказать идеальный порядокъ рѣшеній объясняется тѣмъ, что всякое предлагаемое на сходѣ дѣло задѣваетъ заживо всѣхъ, входящихъ въ составъ общины, что предметъ обсужденія близко знакомъ всѣмъ участвующимъ въ собраніи, безъ предварительнаго изученія и подготовленія къ дѣлу. Простота же крестьянскаго быта исключаетъ личныя самолюбія, разыгрывающіяся въ нашихъ коллегіальныхъ собраніяхъ, гдѣ обсуждаются сложныя дѣла, не всѣмъ хорошо знакомыя и равно доступныя, которыя, съ одной стороны, хотя и не захватываютъ за живое участвующихъ въ ихъ обсужденіи, но за то съ другой — соблазняютъ ихъ возможностью проявлять въ совѣщаніяхъ о помянутыхъ дѣлахъ разные таланты: дара слова, государственной прозорливости, а такъ же гуманное направленіе и. т. п. Это и заставляетъ иныхъ отстаивать во что бы то ни стало свои предвзятыя, хотя и неосновательныя, но нерѣдко торжествующія, мнѣнія.

Порядокъ единогласныхъ рѣшеній въ томъ видѣ и духѣ какъ на сельскихъ сходахъ не подходитъ, конечно, къ строю нашихъ коллегіальныхъ собраній, но это не можетъ служить оправданіемъ и достаточнымъ основаніемъ уничтоженія единогласныхъ рѣшеній тамъ, гдѣ издавна установилъ ихъ смыслъ народный и укоренилъ обычай.

Порядокъ единогласныхъ приговоровъ Міра совершенно непонятенъ для тѣхъ, которыя мало знаютъ Россію или и вовсе ея не знаютъ. Ничего подобнаго ему мы не встрѣчаемъ въ государствахъ Западной Европы. У насъ никакимъ законадательнымъ актомъ онъ установленъ не былъ. Міръ строилъ наше государство. Онъ спасалъ Россію въ тяжкія годины смутъ, грозившихъ ей распаденіемъ, и удержался и донынѣ, хотя только въ крестьянскомъ сословіи. Это самородокъ, котораго корни лежатъ въ глубинѣ духа

народнаго, и чтобъ оцѣнить его по достоинству потребно чуткое проникновеніе въ наше историческое прошлое и близкое знакомство съ нашимъ народнымъ бытомъ.

Какъ наше гражданское и общественное устройство вяжется съ понятіемъ о государствѣ, такъ точно общинный крестьянскій бытъ неразрывно связанъ съ понятіемъ о *Мірѣ*. Ему, а не большинству голосовъ, покоряется всякій крестьянинъ, въ отдѣльности. Узаконенное рѣшающее большинство бываетъ нерѣдко случайнымъ. Оно можетъ быть и искусственнымъ—дѣломъ одной партіи. Рѣшающее большинство можетъ быть составлено подкупомъ, а въ кругу простонародья легче всего попойкой (слабость его къ вину довольно извѣстна всѣмъ), тогда какъ Міръ объемлетъ всѣхъ собравшихся на сходѣ и къ общему интересу непосредственно или косвенно причастныхъ, поэтому приговоръ Міра и рѣшеніе большинства голосовъ понятія не совмѣщающіяся. Міръ исключаетъ рѣшающее большинство голосовъ и не слѣдуетъ терять изъ вида, что допущеніе на сходахъ этого большинства голосовъ есть превращеніе Міра въ какое-то коллегіальное учрежденіе, съ которымъ Міръ въ своей сущности ничего общаго не имѣетъ, другими словами, это есть совершенное его уничтоженіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и разрушеніе вѣковаго общиннаго самоуправленія, которое своей жизненной силой и правдой столько помогало правительству въ управленіи народомъ.

Противники исконнаго въ великороссійскихъ губерніяхъ общиннаго порядка владѣнія крестьянъ землею ставятъ ему въ укоръ еще и вытекающую изъ него естественно *круговую поруку*, т. е. отвѣтственность членовъ общины другъ за друга при отбываніи ими повинностей или выполненіи лежащихъ на цѣлой общинѣ долговыхъ обязательствъ [1]).

---

[1]) Бывшій депутатъ въ Редакціонныхъ Коммисіяхъ отъ Рязанскаго Губернскаго Комитета, извѣстный А. И. Кошелевъ, не считалъ даже круговую поруку необходимою принадлежностью общиннаго землевладѣнія. См. „Объ общинномъ землевладѣніи въ Россіи“, А. Кошелева. Berlin, 1875, стр. 21—34.

И дѣйствительно, въ тридцатилѣтіе, протекшее послѣ освобожденія крестьянъ, слышалось не мало справедливыхъ жалобъ со стороны самыхъ исправныхъ и зажиточныхъ крестьянъ на тягостное не рѣдко примѣненіе къ нимъ круговой поруки. Но эта тягость зависѣла положительно не отъ свойства той круговой поруки, которая сама собой вытекаетъ изъ общиннаго строя, а отъ свойства и размѣра повинностей и отъ способа ихъ взиманія.

При тягловомъ порядкѣ надѣла, если тягловой участокъ приносилъ, какъ это всегда имѣлось въ виду, болѣе дохода, чѣмъ на немъ лежало повинностей, какая могла происходить для общины тягота отъ круговой поруки? Вѣдь каждый тягловой участокъ отвѣтствовалъ самъ за себя и могъ выносить тягость повинности, а если онъ случайно попадалъ въ руки нерадиваго или неумѣлаго крестьянина, то община, испытавъ разныя средства взысканія съ него недоимки, передавала участокъ его другому, который охотно принималъ его, съ уплатой и недоимки, если участокъ могъ дать больше дохода, чѣмъ сколько приходилось платить повинности. Но когда были введены выкупные платежи, и участокъ ужь не могъ приносить во многихъ мѣстностяхъ болѣе того, что должно было сходить съ него платежей, то на такой участокъ рѣдко попадался охотникъ между членами общины, и тогда недоимку на немъ приходилось раскладывать на исправныхъ и зажиточныхъ крестьянъ, поэтому легко понять, отчего такое примѣненіе круговой поруки признавалось ими несправедливымъ или тягостнымъ и для чего правительство сдѣлало въ 1882 году не только общее по всей Россіи, но и специальное пониженіе выкупныхъ платежей въ мѣстностяхъ, гдѣ они превосходили существовавшую поземельную ренту [1]).

Послѣ такого пониженія, каждый участокъ крестьянскаго надѣла могъ уже выносить лежащія на немъ повин-

[1]) По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ Предсѣдателемъ Статистическаго Совѣта Министерства Внутреннихъ дѣлъ Петромъ Петровичемъ Семеновымъ, спеціальное пониженіе этихъ платежей доходило иногда до 70% общей ихъ суммы.

ности, и только въ годины народныхъ бѣдствій, когда крестьянамъ выдаются хлѣбныя или денежныя ссуды, *круговая порука* можетъ становиться тягостью для крестьянъ, и они имѣютъ полное основаніе въ данномъ случаѣ считать несправедливою непосредственную раздачу отъ правительства помянутыхъ ссудъ, за круговымъ ручательствомъ общины, однимъ неимущимъ, а не самому Міру, на сходѣ котораго эта ссуда была бы распредѣлена, конечно, между всѣми пострадавшими отъ неурожая, потому что Міръ знаетъ, что состоятельнымъ придется, во всякомъ случаѣ, возвращать выданную ссуду за тѣхъ, которые, получивъ ее деньгами или хлѣбомъ, не будутъ сами въ силахъ возвратить ее правительству.

Изъ всего сказаннаго становится яснымъ, что только та круговая порука, которая не истекаетъ сама собой изъ общиннаго начала мірскаго строя, является въ глазахъ народа угнетеніемъ и какъ бы насиліемъ.

II.

Измѣненіе быта крестьянъ подъ вліяніемъ Положенія 19 Февраля 1861 года и послѣдующихъ узаконеній.

Въ высочайшихъ рескриптахъ объ улучшеніи быта крестьянъ, разсылавшихся съ 20 Ноября 1857 года, была указана благая цѣль правительства обезпечить ихъ землею навсегда.

Способы осуществленія этой мысли обдумывались въ *Особомъ* (впослѣдствіи *Главномъ*) Комитетѣ по крестьянскому дѣлу, подъ вліяніемъ пользовавшагося въ то время большимъ авторитетомъ, вызваннаго изъ Полтавской губерніи, извѣстнаго тамошняго помѣщика Михаила Павловича Позена, бывшаго потомъ членомъ Финансовой Коммисіи при Редакціонныхъ Коммисіяхъ по крестьянскому дѣлу, и тогда состоялось слѣдующее, вошедшее въ помянутые рескрипты, положеніе:

«Помѣщикамъ сохраняется право *собственности* на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ *усадебная осѣдлость*, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою *собственность* посредствомъ выкупа; сверхъ того, предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ Правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику» [1]).

---

[1]) „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II“. П. П. Семенова. Томъ первый, стр. 8 и 78.

Нельзя не замѣтить, что въ этомъ положеніи проглядываетъ желаніе его составителя удержать за помѣщиками рабочую силу народа, которою, какъ мы видѣли выше, неосторожно поступилось правительство въ пользу дворянства.

Очевидно, что придуманный выкупъ въ собственность усадебной осѣдлости, т. е. клочка застроенной земли, лишеннаго для крестьянина всякаго значенія безъ остальнаго земельнаго надѣла, имѣлъ цѣлію только прикрѣпить его къ вотчинѣ помѣщика, чтобы принудительное тогда пользованіе у него землею, безъ которой крестьянинъ не мыслимъ, какъ земля безъ него, оставляло крестьянъ въ прежней отъ помѣщика зависимости.

Бывшій же первымъ предсѣдателемъ Редакціонныхъ Коммисій по крестьянскому дѣлу І. И. Ростовцовъ, призванный осуществить истинное желаніе Государя—освободить крестьянъ совершенно изъ крѣпостной кабалы, и не считавшій возможнымъ устранить тотчасъ вышеприведенное положеніе, только что утвержденное, рѣшился въ первомъ же своемъ предложеніи Коммисіямъ дать такое расширеніе ихъ дѣятельности:

«п. 2. Одновременно съ личнымъ освобожденіемъ, крестьяне должны получить полную возможность на пріобрѣтеніе въ *собственность* достаточнаго, для обезпеченія ихъ быта и осѣдлости, количества земли, безъ чего улучшеніе крестьянскаго быта было бы только словомъ, а не дѣломъ».

«п. 3. Однѣ усадьбы, особливо въ земледѣльческой Россіи, обезпеченія такого не представляютъ» [1]).

Между тѣмъ въ Тверскомъ губернскомъ комитетѣ, представившемъ высшему правительству свой проектъ изъ первыхъ, большая половина его членовъ предположила основать освобожденіе крестьянъ на выкупѣ ихъ надѣловъ, *обязательномъ* для помѣщиковъ.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ запретило сначала составленіе такого проекта, какъ несогласнаго съ програ-

[1]) „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II“. Н. П. Семенова. Томъ первый, стр. 86.

мой, данной Губернскимъ Комитетамъ въ руководство, но вскорѣ, по настоянію І. И. Ростовцова, это запрещеніе было отмѣнено, и даже дозволено и другимъ Губернскимъ Комитетамъ составлять такіе же проекты, подъ условіемъ однако, чтобы въ такомъ случаѣ Комитеты разработывали параллельно и представляли при выкупномъ и другой проектъ, по упомянутой программѣ.

Проекты обязательнаго для помѣщиковъ выкупа крестьянами ихъ надѣловъ были представлены еще отъ Харьковской и немногихъ другихъ губерній—всего было, кажется, пять такихъ проектовъ. *Обязательный* выкупъ не былъ однако принятъ высшимъ правительствомъ при самомъ освобожденіи крестьянъ [1].

Такимъ образомъ мысль объ обращеніи освобожденныхъ крестьянъ въ собственниковъ ихъ усадебныхъ мѣстъ была офиціально высказана въ первый разъ самимъ правительствомъ, а затѣмъ подхвачена въ распространительномъ смыслѣ, т. е. съ добавленіемъ къ усадьбамъ и всего земельнаго крестьянскаго надѣла, почти одновременно, какъ предсѣдателемъ Редакціонныхъ Комисій Ростовцовымъ, такъ и нѣкоторымъ числомъ дворянъ помѣщиковъ.

Во всѣхъ Губернскихъ Комитетахъ дворянство, надо отдать ему честь, единогласно положило отпустить безвозмездно своихъ крѣпостныхъ людей на волю, другими словами, согласилось принадлежавшую дворянству по крѣпостному праву рабочую силу народа возвратить даромъ государству, слѣдовательно личное освобожденіе крѣпостныхъ не представляло затрудненій къ рѣшенію дѣла; но въ приведенныхъ мною словахъ Высочайшаго рескрипта, поставленныхъ, такъ сказать, краеугольнымъ камнемъ, на которомъ созидалось освобожденіе крестьянъ, было признано право *собственности* помѣщиковъ *на всю землю*, входившую въ составъ ихъ вотчинъ, не исключая и той, которая находилась въ крестьянскомъ надѣлѣ, такъ что съ самаго начала одинъ только земельный вопросъ сталъ пред-

---

[1]) „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II“. Н. П. Семенова. Томъ первый, стр. 92.

метомъ горячихъ споровъ и недоразумѣній при разрѣшеніи задуманнаго дѣла.

Дворянство считало права свои по отношенію къ принадлежавшей ему земельной собственности вполнѣ обезпеченными и подтвержденными, а между тѣмъ не только правительство, съ государственной точки зрѣнія, но даже и сами дворяне большею частію сознавали, что крестьянинъ не можетъ оставаться безъ земли, и поэтому было необходимо часть помѣщичьей земельной собственности укрѣпить за освобожденными крестьянами.

Нельзя было не понимать и того, что выводить разомъ всѣхъ крестьянъ, бывшихъ крѣпостными, на казенныя земли, было бы предпріятіемъ неосуществимымъ, да оно обратилось бы во вредъ и самимъ помѣщикамъ, потому что, въ періодъ общаго переворота, лишило бы ихъ рабочихъ рукъ по крайней мѣрѣ на все время, потребное для переселенія крестьянъ изъ однѣхъ мѣстностей въ другія и водворенія и устройства ихъ на новыхъ мѣстахъ. Это собственно и обратило правительство на путь какъ бы сдѣлки съ дворянствомъ, въ лицѣ его представителей—членовъ Губернскихъ Комитетовъ, сдѣлки, которая могла совершиться только посредствомъ оставленія за крестьянами существовавшихъ до того крестьянскихъ надѣловъ и выкупа ихъ у помѣщиковъ правительствомъ.

Большинство этихъ представителей, отстаивавшихъ интересы дворянства, находило несомнѣнно выгоднымъ для помѣщиковъ съ одной стороны удержать въ ихъ собственности возможно большее количество земли, а съ другой—оцѣнить дороже ту землю, которую правительство предполагало укрѣпить за освобожденными крестьянами.

Споры и пререканія объ этомъ между представителями дворянства и уполномоченными правительствомъ дѣятелями по крестьянскому дѣлу возбуждали подозрительность Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, затемняли сущность того, къ чему особенно надлежало стремиться правительству, и тѣмъ самымъ заграждали путь прямаго выхода изъ этого сложнаго дѣла. Происходившая при этомъ борьба проти-

воположныхъ направленій и сталкивавшихся между собою различныхъ интересовъ и сообщаетъ характеръ драмы историческому событію разрѣшенія, такъ называемаго, крестьянскаго вопроса. Справедливая же оцѣнка дѣятельности лицъ, принимавшихъ участіе въ этой драмѣ, подлежитъ будущему, относительно безпристрастному. суду исторіи.[1])

Такъ или иначе, по Положенію 19 февраля 1861 года, до *тридцати семи милліоновъ* десятинъ отошли отъ дворянъ изъ общаго количества ихъ земель и удержаны за бывшими крѣпостными крестьянами, а такъ какъ всѣ прежніе крестьяне разныхъ наименованій представляютъ нынѣ уже одно крестьянское сословіе, то къ показанному количеству земли слѣдуетъ еще присоединить и дарованныя послѣ упраздненія крѣпостнаго состоянія до *пяти милліоновъ* десятинъ бывшимъ удѣльнымъ и до *шестидесяти четырехъ милліоновъ* десятинъ — государственнымъ крестьянамъ, а также закрѣпленныя за принадлежащими къ сословію крестьянъ подъ другими наименованіями *двадцать четыре милліона* [2]), что все вмѣстѣ взятое составитъ болѣе *ста тридцати милліоновъ* десятинъ, на которыхъ водворены теперь русскіе крестьяне.

Но на вопросъ о *неотчуждаемости* крестьянскаго землевладѣнія еще и до нынѣ не было обращаемо должнаго вниманія нашего правительства, да и вообще Положеніе 19 февраля 1861 года не предрѣшало будущихъ отношеній крестьянъ къ землѣ, и до сихъ поръ не послѣдовало прямаго и окончательнаго разрѣшенія, какъ смотрѣть на огромное количество земли, укрѣпляемой за крестьянами: какъ

---

[1]) Ходъ преній съ депутатами отъ Губернскихъ Комитетовъ въ Редакціонныхъ Коммисіяхъ по крестьянскому дѣлу изложенъ со всею подробностью во второмъ томѣ (стр. 23—161) и третьемъ томѣ части 1-й (стр. 86—251) „Освобожденія крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II". Н. П. Семенова.

[2]) Сюда относятся башкиры, бывшіе нѣмецкіе колонисты, царане Бессарабской области, казаки Оренбургскаго и Астраханскаго войскъ, но не включены сюда казаки Донской и Уральской областей. Кавказъ, Сибирь и Туркестанъ въ этотъ разсчетъ тоже не входятъ.

Всѣ статистическія цифры, которыми мы здѣсь пользуемся, были разработаны и доставлены мнѣ предсѣдателемъ Статистическаго Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ П. П. Семеновымъ.

на общественное ихъ достоянiе, предоставляемое въ *неотчуждаемое* владѣнiе крестьянскихъ общинъ. гдѣ онѣ образовались исторически, или считать эти земли предназначенными къ дробленiю ихъ въ будущемъ на мелкiе участки. для обращенiя въ личную собственность отдѣльныхъ крестьянъ, что неизбѣжно повело бы ихъ къ полному разоренiю и совершенному распаденiю сельской общины, пережившей вѣка во всѣхъ Великороссiйскихъ губернiяхъ и крѣпко еще державшейся своей семейной связью до реформы 1861 года.

Въ общественномъ разумѣнiи по этому предмету существовало два теченiя. Къ одному принадлежали стоявшiе за признанiе надѣльныхъ крестьянскихъ земель въ неотчуждаемомъ владѣнiи цѣлыхъ общинъ и за поддержанiе общиннаго порядка землевладѣнiя. Этого мнѣнiя держались преимущественно помѣстные дворяне, которые сами управляли своими имѣнiями, и вообще всѣ, которые, уважая исторiю нашего отечества, успѣли проникнуть въ духъ народный и близко знали крестьянскiй бытъ. Къ другому теченiю —за предоставленiе крестьянскихъ надѣловъ въ личную собственность отдѣльныхъ крестьянъ и за скорѣйшее распаденiе общинъ, хотя бы и съ помощью нѣкотораго насилiя,—принадлежали преимущественно дворяне. не имѣвшiе земельной собственности или не управлявшiе своими имѣнiями, также проживавшiе постоянно въ столицахъ или заграницею и помѣстные дворяне Западныхъ и Малороссiйскихъ губернiй, гдѣ общиннаго землевладѣнiя не существовало, а народные *общинные* порядки носили на себѣ отпечатокъ бывшаго польскаго государственнаго строя. Сюда же могутъ быть причислены и вообще приверженцы ученiй и порядковъ Западной Европы, мечтающiе о перенесенiи ихъ всецѣло въ наше отечество, не справляясь съ тѣмъ, пригодны-ли они для нашего государственнаго и общественнаго строя?

Поэтому единодушiя въ разрѣшенiи этихъ существенныхъ вопросовъ во время разработки Положенiй 19 февраля вовсе и быть не могло. Это и выразилось допущенiемъ

въ трудахъ Редакціонныхъ Комисій положенія, которымъ предоставлялось домохозяевамъ въ обществахъ крестьянъ право по приговору двухъ третей изъ нихъ разрушать общинный строй и переходить изъ общиннаго землевладѣнія къ частному, или личному владѣнію отдѣльныхъ крестьянъ землями, на которыхъ они были водворены.

Однако, такіе приговоры, сколько мнѣ извѣстно, составлялись въ общинахъ такъ рѣдко, что крестьяне этимъ предоставленнымъ имъ правомъ, можно сказать утвердительно, донынѣ не воспользовались [1]).

Но большой вредъ общинному порядку крестьянскаго землевладѣнія причинила замѣна, Положеніемъ 19 февраля 1861 года, тягловыхъ надѣловъ—душевыми. Начало этому положило само дворянство. Изъ всѣхъ 46-ти губернскихъ комитетовъ, ни одинъ изъ принадлежащихъ къ тѣмъ губерніямъ, гдѣ у народа сложился общинный порядокъ владѣнія, не указалъ, даже въ отдѣлившихся отъ большинства меньшинствахъ или въ чьихъ либо особыхъ мнѣніяхъ, къ какимъ нежелательнымъ послѣдствіямъ можетъ повести система душевыхъ надѣловъ.

Такимъ образомъ Редакціоннымъ Комисіямъ служилъ матеріаломъ разсчетъ укрѣпляемыхъ за крестьянами надѣловъ *по душамъ*, а потому, за неимѣніемъ достаточныхъ данныхъ, Комисіямъ невозможно было приложить тягловую мѣрку надѣленія къ разсчету высшихъ размѣровъ надѣла, принятыхъ ими въ основаніе ихъ системы, и оставалось, вмѣсто тягловаго порядка надѣла, составить разсчетъ его по душамъ, тѣмъ болѣе, что представители Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Главнаго Комитета, а также сторонники учрежденій Министерства Государственныхъ Имуществъ видѣли готовый для этого образецъ у

---

[1]) Напротивъ, было не мало случаевъ перехода, по единогласному приговору сельскихъ сходовъ, отъ подворнаго владѣнія къ общинному. Такъ, у меня находятся обязательно доставленные мнѣ въ копіяхъ предсѣдателемъ тверской губернской земской управы Борисомъ Владиміровичемъ Штюрмеромъ пять приговоровъ довольно крупныхъ сельскихъ обществъ разныхъ волостей Корчевскаго уѣзда, Тверской губерніи, о такихъ переходахъ. Въ Самарской губерніи были даже такіе случаи въ сельскихъ обществахъ нѣмецкихъ колонистовъ.

государственныхъ крестьянъ и, имѣя за себя большинство голосовъ, отстаивали въ общихъ присутствіяхъ Комисій систему душевыхъ надѣловъ, не смотря на то, что эта система шла издавна, какъ мы видѣли, въ разрѣзъ съ бытомъ и обычаями крестьянъ [1]).

Положеніемъ 19 февраля 1861 года была, однако, предоставлена общинамъ свобода дѣлить между крестьянами отошедшія къ нимъ отъ помѣщиковъ земли, по приговорамъ міра, какъ они пожелаютъ сами: *по тягламъ, дворамъ* или *душамъ*.

Тѣмъ не менѣе, при введеніи въ дѣйствіе означеннаго Положенія, мировые посредники, подъ давленіемъ тогдашняго Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и сами крестьяне въ большинствѣ, по разъясненіямъ посредниковъ, вообразили, что настоящее желаніе правительства заключается въ томъ именно, чтобы замѣнить тягловыя рабочія единицы — душевыми, въ отношеніи распредѣленія между крестьянами земельныхъ надѣловъ, вслѣдствіе чего послѣдніе перешли почти повсемѣстно отъ неизмѣнныхъ въ

---

[1]) Въ хозяйственномъ Отдѣленіи Редакціонныхъ Комисій членъ ихъ Ю. Ѳ. Самаринъ предлагалъ прямо закрѣпить за крестьянами состоявшіе въ ихъ пользованіи *тягловые* участки въ томъ самомъ количествѣ и составѣ земли, въ какомъ застанетъ ихъ актъ освобожденія, съ признаніемъ ихъ въ то же время недробимыми и съ предоставленіемъ обществу только скидки ихъ и накидки, по мѣрѣ убыли или прибыли рабочихъ единицъ въ каждомъ семейномъ союзѣ—дворѣ; при этомъ онъ разумѣлъ необходимость признанія этихъ надѣловъ не частною, а государственною собственностью; но, несмотря на выраженное нѣкоторыми членами-экспертами сочувствіе къ этому предложенію, оно не было принято большинствомъ членовъ въ помянутомъ Отдѣленіи, подъ вліяніемъ представителей Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Главнаго Комитета: Милютина и Жуковскаго, которыми было высказано опасеніе, что при ожидаемомъ послѣ освобожденія крестьянъ увеличеніи числа браковъ, на вступленіе въ которые не будетъ уже надобности въ согласіи помѣщика, и при большемъ отъ того приростѣ населенія, новыя брачныя пары могутъ предъявлять притязанія на немедленное надѣленіе ихъ землею; но таковой, при недробимости участковъ, доставать на нихъ не будетъ, и потому въ лицѣ правительства помянутые представители его отклоняли отъ себя всякую отвѣтственность за предусматриваемые ими отъ того безпорядки и волненія, имѣющіе возникать повсемѣстно, и Самаринъ, подчиняясь большинству членовъ хозяйственнаго отдѣленія, рѣшился отступиться отъ своего предложенія. Сообщено мнѣ бывшимъ членомъ-экспертомъ Редакціонныхъ Комисій, принимавшимъ большое участіе въ работахъ помянутаго Отдѣленія и его засѣданіяхъ, П. П. Семеновымъ.

величинѣ и составѣ тягловыхъ участковъ—къ душевымъ. Но такъ какъ число душъ въ отдѣльныхъ дворахъ, вслѣдствіе большой смертности дѣтей, особливо въ простонародьи, подвержено, болѣе частымъ и сильнымъ колебаніямъ, нежели число тяголъ, то, какъ неизбѣжное послѣдствіе перехода отъ тягловой системы къ надѣленію землею по душамъ, вмѣсто прежнихъ, безвредныхъ для земельнаго хозяйства скидокъ и накидокъ тяголъ, явились настоящіе *общіе* передѣлы земель.

Нынѣ уже изъ опыта извѣстно правительству, что, если издавна опредѣленный обычаемъ и мѣстными потребностями размѣръ недробимаго тягловаго участка представляетъ земельную единицу, удобную для веденія крестьянскаго хозяйства, то постепенное дробленіе и безъ того мелкихъ душевыхъ участковъ дѣлаетъ хозяйство на нихъ совершенно невозможнымъ, а средства остановить въ будущемъ дробленіе земельной собственности у крестьянъ еще не найдены, и даже возможности къ тому, при теперешней постановкѣ крестьянскаго землевладѣнія, вовсе не предвидится.

Распаденіе тягловой семейной единицы землевладѣнія нарушаетъ и патріархальныя отношенія, существовавшія до нынѣ прочно между представителями тягла, т. е. семьи, въ тѣсномъ смыслѣ слова, и главою цѣлаго семейнаго союза, т. е. домохозяиномъ, при томъ порядкѣ, когда участіе на сельскихъ сходкахъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ принимали не одни домохозяева, какъ установлено теперь, а всѣ тягловые работники двора.

Эти внесенныя въ народную жизнь перемѣны поколебали крѣпкій при прежней тягловой системѣ семейный союзъ, и косвенно содѣйствуютъ усиленію семейныхъ раздѣловъ.

Если замѣна тягловой системы крестьянскаго землевладѣнія душевою разверсткою земельныхъ участковъ вошла, какъ мы видѣли выше (стр. 38), *не безусловно* въ Положеніе 19 февраля 1861 года, то, по почину юридическаго отдѣленія Редакціонныхъ Комисій по крестьян-

скому дѣлу, вслѣдствіе не вполнѣ яснаго пониманія сущности крестьянскаго землевладѣнія, въ помянутый актъ освобожденія крестьянъ была *безусловно* введена слѣдующая статья, перенесенная въ нѣсколько измѣненномъ видѣ въ выкупной проектъ финансовой коммисіи, входившей въ составъ редакціонныхъ, и оттуда перешедшая въ Положенія 19 февраля, подъ цифрою 165-й:

«До уплаты выкупной ссуды, выдѣлъ участковъ отдѣльнымъ домохозяевамъ изъ земли, пріобрѣтенной обществомъ, допускается не иначе, какъ съ согласія общества. Но если домохозяинъ, желающій выдѣлиться, внесетъ въ уѣздное казначейство всю причитающуюся на его участокъ выкупную ссуду, то общество обязывается выдѣлить крестьянину, сдѣлавшему такой взносъ, соотвѣтственный оному участокъ, по возможности къ одному мѣсту, по усмотрѣнію самого общества, а впредь до выдѣла крестьянинъ продолжаетъ пользоваться выкупленною имъ частію земли въ составѣ мірскаго надѣла, безъ взноса выкупныхъ платежей» [1]).

Въ общемъ присутствіи Редакціонныхъ Комисій 14-го августа (воскресенье) 1860 года, когда разсматривался общій докладъ юридическаго отдѣленія по отзывамъ членовъ губернскихъ комитетовъ, эта статья возбудила горячіе споры, но была принята большинствомъ 16-ти членовъ противъ 5-ти. На сторонѣ большинства находился и предсѣдатель Комисій графъ Панинъ [2]).

На этотъ разъ истинное пониманіе интересовъ крестьянскаго сословія и государственная прозорливость оказались не на сторонѣ бывшаго Министра Юстиціи, присоединившагося къ большинству.

Приведенную статью можно поистинѣ назвать губительнымъ даромъ, поднесеннымъ нашему крестьянству,

---

[1]) „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II“. Н. П. Семенова. Томъ первый. стр. 520, томъ второй, стр. 381 и 382 и томъ третій, часть 2-я, стр. 287 и 288.

[2]) Меньшинство членовъ составляли: Ю. О. Самаринъ, князь В. А. Черкасскій, А. Н. Поповъ, Николай и Петръ Семеновы. См. тамъ же: Томъ третій, часть 2-я, стр. 288—291 и 298 и 299.

потому что укрѣпленіемъ земельныхъ участковъ въ собственность, да еще и отдѣльныхъ лицъ, отнимается у крестьянскаго сословія самое прочное его обезпеченіе — безусловная, исторически сложившаяся, *неотчуждаемость* тѣхъ земель, которыя крестьяне съ давнихъ временъ, какъ и нынѣ, не справляясь съ закономъ, считаютъ за собою крѣпкими. Сверхъ того, разрушается, несовмѣстное съ правами *собственности* на землю, *общинное* землевладѣніе, которое скрѣпляло семейный союзъ подъ властью главы его и подъ попечительствомъ міра, чѣмъ поддерживались добрые нравы и необходимая дисциплина, помогавшіе правительству въ охраненіи общественнаго порядка.

Къ счастію еще, что желанія крестьянъ выдѣлить себѣ участокъ въ собственность умѣрялись неимѣніемъ средствъ внести тотчасъ свою часть выкупа, а при общинномъ устройствѣ возникаетъ и другое препятствіе — то, что въ натурѣ нѣтъ выдѣленныхъ особнякомъ (фермерныхъ) участковъ, и потому для выдѣла одному или нѣсколькимъ требуемаго участка, необходимо прибѣгать каждый разъ къ передѣлу всей общинной земли или дачи, а этого, какъ мы уже видѣли, избѣгаютъ сами крестьяне.

Въ первое двадцатилѣтіе по освобожденіи крестьянъ, 165-я статья представлялась высшему правительству вовсе безвредною, такъ какъ она имѣла весьма ограниченное примѣненіе. Но когда *общіе передѣлы* и *семейные раздѣлы*, явившіеся прямымъ послѣдствіемъ душевой разверстки, уменьшили душевые участки и сдѣлали хозяйство малоземельныхъ дворовъ почти невозможнымъ, то въ каждомъ селеніи не мало дворовъ были выпуждаемы прекращать веденіе своихъ хозяйствъ, а въ то же время почти въ каждомъ селеніи появились вышедшіе изъ крестьянской же среды, иногда принадлежащіе, а иногда и не принадлежащіе къ составу общины, маленькіе капиталисты. Они сначала занялись взятіемъ на съемъ земельныхъ участковъ у неисправныхъ плательщиковъ, а потомъ и скупкою этихъ участковъ, и такимъ образомъ

165-я статья сдѣлалась въ рукахъ этихъ скупщиковъ могущественнымъ орудіемъ для забиранія ими въ свою собственность того земельнаго надѣла, который, съ такими усиліями и жертвами со стороны государства и дворянства, правительство. Положеніемъ 19 февраля 1861 года, старалось закрѣпить за крестьянскими общинами.

Въ борьбѣ съ такимъ все болѣе и болѣе усиливающимся расхищеніемъ надѣльной крестьянской земли общины не рѣдко оказываются безсильными.

Разстройству общинъ способствовала также регламентація, введенная Положеніями 19 февраля во внутреннее хозяйственное управленіе и распорядки общины, именно: 1) та, что участіе въ сельскихъ сходахъ могутъ принимать только *домохозяева*, а не всѣ, достигшіе рабочаго возраста крестьяне, до которыхъ прямо или косвенно относятся всѣ мірскіе приговоры, какъ это было установлено прежде давнимъ обычаемъ, и 2) то еще, что рѣшенія сходовъ должны считаться состоявшимися при простомъ большинствѣ голосовъ, а въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ случаяхъ при большинствѣ двухъ третей ихъ. между тѣмъ, какъ крестьяне привыкли считать у себя рѣшеніе тогда только состоявшимся, когда весь сельскій сходъ изъявилъ на него свое согласіе. Рѣшающее большинство голосовъ устраняетъ, какъ было объяснено выше, то понятіе о мірѣ, которое укоренилось въ народномъ о немъ представленіи и, не смотря на помянутыя нововведенія, еще и до сихъ поръ у крестьянъ держится.

Относительно устройства крестьянскаго управленія въ томъ, въ чемъ оно соприкасается съ ближайшими къ нему органами правительственной власти, административному отдѣленію Редакціонныхъ Комисій по крестьянскому дѣлу, какъ оно ни старалось, не удалось избѣгнуть того типа единицъ управленія крестьянами, какой былъ данъ волостямъ вѣдомства Министерства Государственныхъ Имуществъ, съ ихъ управой, волостнымъ судомъ, волостными сходами и должностными лицами, и нынѣш-

няя волость въ концѣ концовъ близко подошла къ помянутому крайне нежелательному типу, и если она не поглотила въ себѣ живую хозяйственную единицу общины, т. е. села и деревни, то, по крайней мѣрѣ, отвела ее на задній планъ. Въ дѣйствительности же, съ живой стороны хозяйственныя общины ни съ волостью, ни между собой никакой связи не имѣютъ, потому что каждая община въ селѣ или деревнѣ имѣетъ свои отдѣльные хозяйственные интересы и свое внутреннее и независимое отъ другихъ существованіе, слѣдовательно сама должна представлять живую самостоятельную единицу государственной рабочей силы предъ правительствомъ, а соединеніе обществъ въ одну искусственную какую-то *хозяйственно-административную* волость мѣшаетъ только развитію сельской внутренней жизни. Право же выбора волостныхъ старшинъ людомъ разныхъ деревень и поселковъ и право участія выборныхъ отъ селъ и селеній на волостныхъ сходахъ есть безполезный даръ для крестьянъ, которымъ они, какъ показываетъ опытъ, пользуются во вредъ себѣ, потому что выборы не обходятся безъ сильныхъ попоекъ, которыя большею частью рѣшаютъ выборъ, что заставляетъ нерѣдко попавшаго въ старшины прибѣгать потомъ къ противозаконнымъ съ крестьянъ поборамъ, чтобы вернуть истраченныя на вино для нихъ деньги. Излишекъ взимаемыхъ съ нихъ, противъ узаконеннаго сбора, платежей, конечно, на приходъ не записывается, а повѣрить сдѣланной волостнымъ писаремъ раскладки неграмотные крестьяне, разумѣется, не могутъ.

Частные интересы нерѣдко бываютъ не одного порядка съ общественными, поэтому крестьяне ко всякому устройству администраціи, которое къ тому же для простолюдина, по малограмотности его, темно, обыкновенно относятся равнодушно. Они знаютъ только *начальство* и безпрекословно подчиняются всякой установленной власти; но связь волости съ селомъ остается все-таки внѣшнею, только кажущеюся, а гдѣ нѣтъ органической внутренней

связи, тамъ нѣтъ духа жизни, нѣтъ и способности къ развитію. Ихъ никакое правительство создать не можетъ, тамъ же гдѣ они есть—дать имъ необходимую гражданскую свободу, направить ихъ къ возможному достиженію общественнаго благосостоянія, указать имъ государственныя цѣли—это все во власти правительства.

I. И. Ростовцовъ, во время разработки проекта освобожденія крестьянъ въ Редакціонныхъ Комисіяхъ, предполагалъ не ограничиваться одною лишь развязкою отношеній крѣпостныхъ людей съ ихъ бывшими помѣщиками, и заботился о составленіи для крестьянъ *сельскаго устава*, безъ котораго не считалъ проекта освобожденія ихъ законченнымъ [1]). Этотъ уставъ, по его понятіямъ, долженъ былъ дать крестьянамъ особое охраняющее ихъ бытъ устойчивое положеніе, и безъ сомнѣнія трудъ составленія сельскаго устава раскрылъ бы многія стороны тогдашней крестьянской жизни, вызывая собираніе о ней разнообразныхъ свѣдѣній, и тѣмъ самымъ ближе ознакомилъ бы съ ней нашихъ бывшихъ государственныхъ дѣятелей, изъ которыхъ многихъ уже нѣтъ, а другіе сошли съ поприща.

Въ своихъ письмахъ къ Государю и запискахъ, Ростовцовъ, стараясь обнять дѣло со всѣхъ сторонъ, выражалъ, между прочимъ, такія мысли:

«Въ разработкѣ вопроса освобожденія крестьянъ въ Россіи иногда повидимому неважная ошибка можетъ разростись въ громадныя послѣдствія» [2]).

Озабоченный вообще недопущеніемъ никакой ломки въ историческомъ бытѣ народа, онъ обращался къ противникамъ общины въ средѣ Редакціонныхъ Комисій, между которыми самымъ замѣтнымъ былъ представитель Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Н. А. Милютинъ [3]), въ такихъ опредѣленныхъ выраженіяхъ:

---

[1]) Мат. Редакц. Комис. изд. второе. Т. I. кн. 1, стр. 60—72. „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II". Н. П. Семенова. Томъ первый, стр. 206 и 207.

[2]) Тамъ же. Томъ первый, стр. 98.

[3]) „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II". Н. П. Семенова. Томъ третій, часть 2, стр. 227 и 238.

«Нѣтъ, господа, ломать исторіи я вамъ не позволю. Я не профессоръ и не буду вамъ объяснять, какъ образовалась у насъ община. Въ нашей литературѣ много объ этомъ разсужденій и споровъ; но у насъ община есть, и слѣдовательно еще нужна, мы и должны ее сохранить. Ломать мы ничего не должны. Когда вы говорите о свободѣ, я вамъ уступаю: отворите какъ хотите широко ворота для выхода всякаго крестьянина изъ общины, но не ломайте общины,—пусть она остается» [1]).

Ростовцовъ справедливо считалъ одной изъ важнѣйшихъ задачъ освобожденія крестьянъ изъятіе ихъ изъ подъ власти и произвола помѣщика, подъ условіемъ немедленной передачи ихъ подъ опеку правительства, съ установившимися въ ихъ внутренней жизни порядками и укоренившимися обычаями.

Его предложеніе объ этомъ было принято какъ одно изъ основаній освобожденія крестьянъ, и изложено въ Высочайше утвержденномъ журналѣ Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу 26 октября 1858 года, словами самого Ростовцова:

«Соблюсти, чтобы власть ни на минуту на мѣстѣ не колебалась, отчего ни на минуту же не нарушался бы и общественный порядокъ» [2]).

Но смерть прекратила дѣятельность Ростовцова, и многимъ вѣрнымъ и полезнымъ его предположеніямъ не суждено было сбыться.

Преемникъ его, графъ В. Н. Панинъ, испросивъ предварительно Высочайшее соизволеніе на закрытіе Редакціонныхъ Комисій, поспѣшилъ это сдѣлать прежде окончанія въ нихъ всѣхъ предположенныхъ первымъ ихъ предсѣдателемъ работъ, и объ изготовленіи ими проекта сельскаго устава уже не могло быть и рѣчи [3]).

Такимъ образомъ Редакціоннымъ Комисіямъ выпала

---

[1]) «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II». Н. П. Семенова. Томъ второй, стр. 383, въ выноскѣ.

[2]) Тамъ же. Томъ первый, стр. 79.

[3]) Тамъ же. Томъ третій, часть 2-я, стр. 741 и 806—809.

на долю только развязка поземельныхъ отношеній между помѣщиками и ихъ бывшими крестьянами, что и было вполнѣ достигнуто. Порядокъ же дальнѣйшаго владѣнія крестьянъ отошедшими къ нимъ отъ помѣщиковъ землями и отношенія ихъ рабочей силы къ государству, какъ и разрѣшеніе нѣкоторыхъ другихъ, тоже довольно важныхъ вопросовъ, были предоставлены будущему, по указаніямъ опыта.

По правиламъ Положенія, изъ земель, состоявшихъ въ распоряженіи помѣщичьихъ экономій, въ общемъ итогѣ не отошло ни клочка. Во владѣніи крестьянъ были оставлены только существующіе у нихъ надѣлы, которыми они до того уже издавна пользовались, въ границахъ высшихъ и низшихъ размѣровъ, выработанныхъ Редакціонными Комиссіями со всѣмъ тщаніемъ для каждой отдѣльной мѣстности, на основаніи данныхъ, доставленныхъ самимъ дворянствомъ, и тамъ, гдѣ количество земли, состоявшей прежде въ пользованіи крестьянъ, превышало установленный въ этой мѣстности высшій размѣръ надѣла, весь излишекъ былъ возвращаемъ помѣщичьей экономіи. Въ общемъ результатѣ изъ всего количества болѣе *ста двадцати пяти милліоновъ* десятинъ, принадлежавшихъ дворянству, отошло къ крестьянамъ, какъ было показано, всего до *тридцати семи милліоновъ*, слѣдовательно значительно менѣе трети всѣхъ земель, входившихъ тогда въ составъ населенныхъ имѣній.

Дворянство за отчужденную тогда отъ него часть земельной собственности получило отъ казны вознагражденіе, въ общемъ приблизительно соотвѣтственное существовавшимъ въ то время цѣнамъ на земли.

Временно-обязательныя отношенія освобожденныхъ крестьянъ къ ихъ бывшимъ помѣщикамъ были опредѣлены настолько удовлетворительно, что ни отъ помѣщиковъ, ни отъ крестьянъ на это установленіе не только никакихъ жалобъ не было, но бывшіе помѣщики и крестьяне, несмотря на глубокій хозяйственный у нихъ переворотъ, перешли на новыя положенія неслышно и какъ бы незамѣтно.

За потерю дворянствомъ, самую для него чувствительную, принадлежавшей ему даровой рабочей силы, которою оно само великодушно поступилось, Положеніе 19 февраля обезпечило его удержаніемъ крестьянъ при дворянскихъ имѣніяхъ, *обязательнымъ* для крестьянъ выкупомъ, съ помощью правительства, земельныхъ угодій, бывшихъ въ постоянномъ ихъ пользованіи, буде сами помѣщики того пожелаютъ, для окончательнаго раздѣла со своими крестьянами. Допущенное же, по требованію самого помѣщика, разверстаніе угодій между нимъ и бывшими его крестьянами, повело въ большей части имѣній къ отдѣленію въ натурѣ помѣщичьихъ земельныхъ хозяйствъ въ особняки, чѣмъ самымъ обезпечило обѣимъ сторонамъ спокойное и удобное владѣніе ихъ землями. Продажныя и наемныя цѣны на земли, оставшіяся во владѣніи помѣщиковъ, сильно поднялись. Заграничный вывозъ избытка хлѣбныхъ произведеній съ господскихъ полей уже въ первое десятилѣтіе послѣ освобожденія крестьянъ значительно увеличился [1]).

Бытъ крестьянъ былъ несомнѣнно улучшенъ уже однимъ освобожденіемъ ихъ труда и правомъ располагать своей рабочей силой по собственному усмотрѣнію, а кромѣ того земля, которую они прежде воздѣлывали на себя, была оставлена въ ихъ полномъ распоряженіи. Въ связи съ этимъ послѣдовали съ одной стороны быстрый приростъ населенія бывшихъ крѣпостныхъ, а съ другой—увеличеніе государственныхъ доходовъ, выражающихъ до нѣкоторой степени платежную силу народа [2]).

Наконецъ, въ Редакціонныхъ Комисіяхъ былъ выработанъ, на началахъ свободнаго исполненія своихъ обя-

---

[1]) Въ пятилѣтіе, предшествовавшее освобожденію крестьянъ, вывозъ хлѣбовъ составлялъ *девять милліоновъ* четвертей въ годъ, а въ послѣдующія десятилѣтія: въ первое—*тринадцать милліоновъ*, во второе—*двадцать семь милліоновъ*, въ третье—*сорокъ три милліона* четвертей ежегодно.

[2]) Государственные доходы составляли ежегодно: за послѣднее десятилѣтіе передъ освобожденіемъ крестьянъ—*двѣсти пятьдесятъ милліоновъ* рублей, а въ десятилѣтіе, слѣдующее послѣ освобожденія — *четыреста двадцать милліоновъ*, въ наступившее же за нимъ—*пятьсотъ девяносто милліоновъ* рублей.

занностей и живаго отношенія къ дѣлу, выходившій совершенно изъ колеи нашей обыкновенной служебной рутины, институтъ мировыхъ посредниковъ. Онъ оказалъ большія услуги дѣлу освобожденія крестьянъ уже тѣмъ однимъ, что въ относительно короткій двухлѣтній срокъ Положеніе 19 февраля 1861 года было мирно и тихо введено въ дѣйствіе.

Актъ освобожденія крестьянъ и спокойствіе, съ которымъ оно было принято народомъ, изумили не только Западную Европу, но и заатлантическихъ нашихъ сосѣдей въ Сѣверной Америкѣ.

Сильнаго подъема духовнаго и матеріальнаго развитія слѣдовало ожидать послѣ такой развязки вѣковыхъ узъ крѣпостной зависимости; но къ несчастію, съ легкой руки освобожденія крестьянъ, развилась у насъ горячка, съ которою совершилась отчасти требуемыя временемъ, а отчасти и совсѣмъ не требуемыя реформы, подъ вліяніемъ чуждыхъ намъ ученій и порядковъ Западной Европы, и тѣмъ были поколеблены до нѣкоторой степени иные прочные устои нашего государственнаго строенія [1]).

Такъ былъ, неожиданно для большинства, закрытъ Опекунскій Совѣтъ, вѣрный и единственный тогда источникъ государственнаго кредита, которымъ преимущественно пользовалось дворянство, закрытъ именно въ то время, когда оно нуждалось въ немъ болѣе всего для перевода прежняго хозяйства своихъ имѣній на новое положеніе, такъ что дворянство было лишено всякаго организованнаго земельнаго кредита въ продолженіе, сколько я помню, семи лѣтъ. Послѣ этого промежутка нашъ прежній государственный кредитъ замѣнился, тоже на продолжительное время, новымъ у насъ частнымъ общественнымъ кредитомъ вновь возникавшихъ, съ разрѣшенія правительства, безъ всякаго съ его стороны контроля, банковъ, на самыхъ шаткихъ, но заманчивыхъ предложеніяхъ. Такимъ явилось общество взаимнаго поземельнаго кредита, съ по-

---

[1]) „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II". Н. П. Семенова. Томъ первый, въ предисловіи, стр. XI и XII.

стоянно колеблющимся разсчетомъ на золотую валюту, а затѣмъ стали быстро размножаться разные частные общественные и городскіе банки.

Огромное большинство землевладѣльцевъ, отчасти понуждаемое необходимостью имѣть въ рукахъ свободныя деньги, а частью увлекаемое соблазнительными обѣщаніями выгодной операціи, стало поспѣшно закладывать свои имѣнія. Время доказало несостоятельность этихъ учрежденій и обнаружило, что они-то и положили начало разстройству и даже разоренію дворянства.

Такъ же точно въ то время, какъ былъ только что созданъ институтъ мировыхъ посредниковъ и они такъ удачно примѣнились къ народной жизни, вмѣсто обращенія ихъ въ мировые судьи, какъ это было даже намѣчено въ Высочайшемъ повелѣніи объ учрежденіи помянутаго института, былъ введенъ, вслѣдъ за приведеніемъ въ дѣйствіе Положенія 19 февраля 1861 года, параллельно съ нимъ, новый институтъ мировыхъ судей, основанный на другихъ, мало соотвѣтствующихъ потребностямъ населенія, началахъ, безъ удержанія за ними прежняго посредническаго административнаго характера. Вслѣдствіе этого число мировыхъ посредниковъ уѣзда, какъ уже лишнихъ, въ видахъ уменьшенія расходовъ земства, было сначала сокращено, а вскорѣ затѣмъ они были и совсѣмъ упразднены [1]).

Переносимые къ намъ въ то время изъ культурныхъ государствъ Запада учрежденія и порядки по разнымъ частямъ управленія, не имѣющіе конечно у насъ для себя почвы, лишали тогдашнихъ дѣятелей всякой самостоятельности и не давали времени для указаній опыта и оцѣнки достоинствъ тѣхъ предначертаній, которыя заключались въ духѣ и смыслѣ Положенія 19 февраля 1861 года, и такимъ образомъ важнѣйшій вопросъ о *неотчуждаемости* крестьянскаго землевладѣнія остался неразъясненнымъ, а нынѣ требуетъ уже неотложнаго рѣшенія.

---

[1]) См. Освобожд. крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II. Томъ первый, стр. 6, и томъ третій, часть 1, стр. 308.

Основными Положеніями 19 февраля представлялись: *обязательный* для помѣщиковъ выкупъ крестьянами, въ случаѣ ихъ на то желанія, усадебной осѣдлости и *добровольный* для помѣщиковъ, въ предѣлахъ положенія, выкупъ въ *собственность* крестьянъ, съ помощью правительства, ихъ земельныхъ надѣловъ, которыми они у помѣщиковъ пользовались.

На выкупъ однѣхъ усадьбъ крестьяне не пошли, и, сколько мнѣ извѣстно, такихъ выкупныхъ договоровъ почти не было предъявляемо [1]. Это объясняется тѣмъ, что для нихъ совершенно непонятно, какъ земля, которую они считаютъ своей кормилицей и которую они изъ поколѣнія въ поколѣніе на себя воздѣлывали, можетъ отъ нихъ отойти для улучшенія ихъ быта? Изъ этого слѣдуетъ, что *обязательная* часть выкупнаго положенія сама собой рушилась, что отъ даруемаго имъ въ будущемъ права собственности на усадебную лишь осѣдлость крестьяне сами какъ бы отказались, а затѣмъ оставалось дѣйствующимъ только предложеніе правительства имъ и помѣщикамъ входить, съ его пособіемъ и при его посредничествѣ, въ въ добровольныя сдѣлки на выкупъ крестьянами въ ихъ собственность земель, которыми они до выкупа пользовались за опредѣленную самимъ правительствомъ денежную повинность, подъ условіемъ періодической ея переоброчки черезъ каждые двадцать лѣтъ, съ круговой порукой крестьянъ въ исправности ея уплаты бывшему помѣщику до тѣхъ поръ, пока не будетъ утвержденъ заключенный между обѣими сторонами договоръ выкупа.

Хотя регламентація выкупныхъ сдѣлокъ и стѣсняла до нѣкоторой степени, какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ, тѣмъ не менѣе, почти вслѣдъ за обнародованіемъ Положенія 19 февраля 1861 года, они отозвались на пред-

---

[1] *Примѣчаніе.* Если бы впрочемъ и оказалось что гдѣ нибудь, на всемъ огромномъ пространствѣ Россіи, встрѣтились выкупы однѣхъ усадьбъ, то несомнѣнно это было при такихъ исключительныхъ условіяхъ, какія существовали напримѣръ у приписанныхъ къ горнымъ заводамъ мастеровыхъ и которыя не могутъ быть здѣсь принимаемы въ какое либо соображеніе.

ложеніе правительства предъявленіемъ выкупныхъ договоровъ къ утвержденію, и число этихъ сдѣлокъ быстро возростало до 1881 года, когда наступилъ первый срокъ, установленной. въ каждый двадцатилѣтній періодъ, переоброчки крестьянскихъ повинностей [1]).

Трудность ея производства, требовавшаго самыхъ точныхъ свѣдѣній и продолжительнаго времени, дала себя почувствовать, какъ только подходилъ къ тому срокъ, и пришлось искать другаго выхода изъ такого положенія.

Тогда правительство рѣшилось прибѣгнуть къ радикальной мѣрѣ, дѣлавшей переоброчку крестьянскихъ повинностей вовсе ненужною. *Добровольный*, въ силу акта освобожденія крестьянъ, выкупъ ихъ надѣловъ у бывшихъ помѣщиковъ оно объявило *обязательнымъ* для тѣхъ, которые до того не желали или не могли заключить выкупныхъ договоровъ, и назначило послѣдній срокъ представленія ихъ помѣщиками, на утвержденіе, въ 1883 году.

Правительство не остановилось предъ тѣмъ, что эта мѣра явно нарушала интересы нѣкоторыхъ дворянъ-землевладѣльцевъ, такъ какъ въ Положеніяхъ 19 февраля 1861 года стоимость крестьянскихъ надѣловъ была соображаема съ существовавшими тогда цѣнами на зѐмли; но онѣ, по прошествіи съ того времени двадцати лѣтъ, удвоились, а мѣстами даже утроились и только въ нечерноземныхъ мѣстностяхъ оставались иногда ниже выкупныхъ платежей, опредѣленныхъ Положеніемъ 19 февраля 1861 года. Здѣсь надо опять отдать справедливость дворянству, что къ этой принудительной мѣрѣ оно отнеслось покорно и безропотно.

Если такимъ образомъ правительство принимало жертвы отъ высшаго въ государствѣ сословія и, преодолѣвая всѣ трудности выкупной операціи, успѣло пріобрѣсти у дворянства, на финансовыя средства государства, тѣ земли, на которыхъ были водворены у бывшихъ помѣщиковъ крѣпостные крестьяне, то по справедливости эти земли

[1]) Во временнообязательныхъ отношеніяхъ къ 1881 году оставалось не болѣе 15% всѣхъ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости.

прежде всего должны считаться въ неотчуждаемомъ владѣніи всего крестьянскаго сословія, и трудно придумать разумныя основанія къ обращенію ихъ въ личную собственность мелкихъ владѣльцевъ, хотя бы и изъ сельскихъ сословій, у которыхъ онѣ или неминуемо подвергнутся дробленію на такіе мелкіе участки, на которыхъ хозяйство сдѣлается уже невозможнымъ, или перейдутъ въ другія не крестьянскія руки путемъ продажи ихъ скупщикамъ земель, дѣйствующимъ ужь и нынѣ въ юго-западныхъ губерніяхъ какъ покупщики процентныхъ бумагъ на биржѣ. Если же эти земли были бы удержаны государствомъ за сельскими обществами, то онѣ могли бы остаться навсегда въ неотъемлемомъ крестьянскомъ владѣніи и служить, подъ государственнымъ надзоромъ и охраною, къ поддержанію быта крестьянъ, а въ такомъ положеніи дѣла, какъ бы ни былъ великъ приростъ населенія, для постояннаго размѣщенія котораго есть еще мѣста въ Россіи, государство, сохранившее въ своей собственности выкупленныя имъ для крестьянъ земли, моглобы надолго упрочить осѣдлость и благосостояніе по крайней мѣрѣ тѣхъ милліоновъ крестьянъ, бытъ которыхъ этими землями доселѣ совершенно обеспечивался.

Если возможно и даже легко было правительству превратить первоначально предложенную *добровольную* сдѣлку выкупа въ *обязательную*, нарушавшую отчасти матеріальные интересы дворянъ-землевладѣльцевъ, то конечно можно придумать, и найдутся средства, какъ устранить неизбѣжное разореніе и распаденіе всего крестьянскаго сословія, предоставленіемъ ему, вмѣсто клочковъ земли въ собственность, цѣлыхъ выкупленныхъ для него правительствомъ у бывшихъ помѣщиковъ дачъ въ неотчуждаемое его владѣніе, раздѣлъ котораго между собою крестьяне доводили до идеальной справедливости, пока въ ихъ народный бытъ не были введены чуждые и непонятные для нихъ порядки.

Къ сожалѣнію, два случая, удобные для установленія указаннаго отношенія крестьянъ къ выкупленной для нихъ землѣ, были пропущены: одинъ—это обязательный выкупъ

ихъ земельныхъ надѣловъ, а другой—пониженіе правительствомъ выкупныхъ платежей, устраняющее необходимость общества навязывать, противъ желанія, входящимъ въ составъ его крестьянамъ земельные участки, обложенные непосильной для нихъ повинностью.

Но къ счастью время все-таки не ушло—выкупъ еще не завершился, и нежелательныя послѣдствія того, чтб можетъ произвести переходъ до ста тридцати милліоновъ десятинъ легко отчуждаемой крестьянской надѣльной земли въ руки частныхъ собственниковъ, могутъ быть еще отвращены.

Что же касается до государственныхъ крестьянъ, то перечисленіе ихъ оброчныхъ и душевыхъ повинностей въ выкупные платежи должно отозваться на ихъ положеніи въ будущемъ конечно худшими послѣдствіями, чѣмъ выкупъ земель въ собственность бывшихъ крѣпостными, не только по причинамъ изложеннымъ ниже, но по одному ужь перевѣсу числа государственныхъ крестьянъ надъ числомъ освобожденныхъ на волю, ибо зло будетъ бóльшаго размѣра.

Въ исторіи жизни русскаго народа суровой нитью проходитъ прежде всего стараніе правительства о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ. Затѣмъ, при раздачѣ высшему служилому сословію сначала земель въ кормленіе, а потомъ населенныхъ имѣній въ наслѣдственную собственность, замѣчается то же стремленіе удержать за крестьянами *неотчуждаемое* землевладѣніе, которымъ на государственныхъ земляхъ они были обезпечены.

Наростающее постоянно крестьянское населеніе представляло непреодолимыя препятствія для опредѣленія размѣровъ этого владѣнія въ предѣлахъ частной земельной собственности; но законъ, хотя и глухо, налагалъ все-таки на помѣщиковъ обязанность надѣлять крестьянъ землею, такъ что послѣдніе сами обратились въ собственность дворянъ землевладѣльцевъ, и государственный интересъ оказался принесеннымъ въ жертву частному интересу одного сословія.

Правительство, въ сознаніи неестественности такого

состоянія и вреда отъ того происходящаго для государственнаго развитія, рѣшилось освободить крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Продолжая дѣйствовать при этомъ все въ томъ же прежнемъ своемъ направленіи—обезпеченія крестьянскаго землевладѣнія, оно не могло поступить иначе, какъ выкупить изъ частной собственности дворянъ земли, которыя желало удержать за крестьянами послѣ ихъ освобожденія, такъ какъ не считало справедливымъ отнять ихъ даромъ у дворянства, за которымъ оно само ихъ укрѣпило.

Отношенія государственныхъ крестьянъ къ ихъ землевладѣнію были и остаются совершенно другія. Государство не частное учрежденіе и не корпорація лицъ, соединившихся изъ личныхъ интересовъ для общаго предпріятія. Оно есть отвлеченное понятіе объ органическомъ союзѣ людей, связанныхъ узами историческаго развитія — вѣры, языка, обычая, общихъ идей, однимъ словомъ—національностью, для осуществленія законовъ правды и справедливости, выражаясь юридическимъ языкомъ [1]).

У государства нѣтъ личныхъ интересовъ. Единство, могущество и процвѣтаніе его неразрывно связаны съ благосостояніемъ всего его населенія. У насъ громадное его большинство составляютъ крестьяне, менѣе другихъ имущее и менѣе развитое просвѣщеніемъ сословіе, слѣдовательно

---

[1]) Для точнѣйшаго опредѣленія того, что выражаетъ слово *національность*, здѣсь кстати будетъ привести заключительныя слова реферата одного изъ членовъ московскихъ международныхъ конгресовъ, собиравшихся въ 1892 году, ученаго Топинара, слова замѣчательныя по глубинѣ мысли: „Національность не имѣетъ никакого отношенія ни къ антропологіи, ни къ расѣ. Она обязана своимъ происхожденіемъ исключительно исторіи; это продуктъ исторіи, связанный съ представленіемъ о правительствѣ, какое бы оно ни было. Всякая націальность зарождается скромно, растетъ и утверждается благодаря своему благоразумію, своей послѣдовательности, своимъ успѣхамъ всякаго рода: на поляхъ битвъ, въ дипломатіи, въ наукахъ, въ литературѣ и искусствѣ. Самобытность народа, духъ объединяющій его, твердо и высокопоставленное знамя — вотъ что его характеризуетъ. Національность — это фактъ, который ни выразить, ни обсуждать нельзя — это вѣра, порождающая героевъ и мучениковъ, создающая друзей и поклонниковъ, но также враговъ и завистниковъ: національность — это *догматъ*!“ См. Московск. Вѣдом. 8 августа 1892 года, № 218, стр. 4.

нуждающееся предпочтительно передъ другими въ попеченіи о немъ, а въ тяжкія годины — и въ матеріальной помощи правительства.

Ограждать вѣрно понятую свободу этого сословія и соблюдать по отношенію къ нему закономѣрную справедливость принадлежитъ государственной власти. Подъ ея опекой государственные крестьяне владѣли всегда принадлежащими государству неотчуждаемыми отъ нихъ землями. Возвращая государству крѣпостныхъ крестьянъ, эта власть возвратила въ его распоряженіе и земли, составлявшія ихъ надѣлы у помѣщиковъ. Если крестьяне останутся и на будущее время настоящей рабочей силой государства, то это лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ лица всѣхъ другихъ сословій, соотвѣтственно ихъ положенію, гдѣ бы они ни были, должны пребывать слугами своего государства, и нѣтъ опасности, чтобъ они сдѣлались его крѣпостными.

Мы знаемъ, что неимущіе и малоимущіе нерѣдко попадаютъ въ кабалу частныхъ лицъ и подъ гнетъ капитала, но чтобъ кто либо попалъ въ кабалу къ государству—это дѣло неслыханное, слѣдовательно нѣтъ причины измѣнять въ основаніи сословный бытъ государственныхъ крестьянъ. Между тѣмъ у насъ полагается теперь отчужденіе въ частную собственность, посредствомъ выкупа крестьянами, земель принадлежащихъ государству и обращеніе, во что бы то ни стало, не только освобожденныхъ, но и государственныхъ крестьянъ въ мелкихъ земельныхъ собственниковъ; но при этомъ законъ нисколько не ограждаетъ эту мелкую собственность, во дни народныхъ бѣдствій, отъ скупки ея, за ничтожную цѣну или даже за кусокъ хлѣба, людьми, вышедшими изъ того же крестьянскаго сословія, которые успѣли обзавестись какими нибудь деньгами и извѣстны въ народѣ подъ названіями *кулаковъ* и *міроѣдовъ*; не ограждаетъ законъ эту мелкую собственность и отъ продажи ея людямъ всякаго званія, не имѣющимъ ничего общаго съ помѣстными собственниками, составляющими высшее въ государствѣ сословіе,

которое по своему образованію и вкусамъ занималось обыкновенно не вытягиваніемъ изъ земли всего, что только она дать можетъ, а напротивъ, улучшеніемъ и украшеніемъ своихъ имѣній, отдѣляя на это иногда значительную часть дохода.

Трудно объяснить себѣ рѣшимость вообще отчужденія государственной земельной собственности при ровномъ теченіи общественной жизни въ мирное время или когда оно не вызываестя неотразимыми внѣшними обстоятельствами.

Отчужденіе государственной земли, при водвореніи на ней враждебныхъ государству элементовъ, составляетъ во всякомъ случаѣ потерю части государственной территоріи.

И теперь, скорѣе чѣмъ когда нибудь, слѣдуетъ вдуматься въ то, къ какимъ послѣдствіямъ въ дѣйствительности можетъ повести Россію отчужденіе огромнаго количества государственныхъ земель въ частную собственность отдѣльныхъ крестьянъ.

Обращеніе послѣднихъ въ мелкихъ земельныхъ собственниковъ есть уничтоженіе всего нашего крестьянскаго сословія. Крестьянинъ — частный собственникъ,—въ сущности не будетъ ничѣмъ отличаться отъ земельнаго собственника другаго сословія. Вѣковая и особая связь крестьянъ, какъ между собою, такъ и съ государствомъ, на земляхъ котораго они всегда были водворены, за отчужденіемъ этихъ земель отъ казны въ частную крестьянскую собственность, должна рушиться, и правительству не будетъ повода имѣть предпочтительную передъ другими сословіями заботливость о крестьянахъ и помогать имъ въ годины бѣдствій. При томъ же мелкіе земельные участки на правахъ собственности въ ихъ рукахъ удержаться не могутъ. Такая собственность въ семьѣ чрезвычайно рѣдко переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому.

Обѣдненіе изъ рода въ родъ, при каждомъ наслѣдованіи нашихъ старыхъ дворянскихъ фамилій отъ раздѣловъ ихъ имѣній, бывшихъ первоначально значительными по

количеству занимаемой ими земли, доказываетъ убѣдительно, что право собственности на землю безсильно закрѣпить владѣніе ею даже въ одномъ родѣ, а не только въ цѣломъ сословіи.

Захудалыхъ дворянъ было такое число во время разработки положеній 19 февраля 1861 года, что правительство, отдѣляя ихъ какъ бы въ особый классъ *мѣлкопомѣстныхъ,* признало справедливымъ, для обезпеченія ихъ осѣдлости, предоставить имъ нѣкоторыя льготы, и для нихъ были составлены особыя правила. Имѣнія ихъ все таки вышли у нихъ изъ рукъ, а сами мелкопомѣстные дворяне разбрелись по разнымъ путямъ добыванія средствъ къ существованію, поэтому не трудно предвидѣть, что крестьянское сословіе должно подвергнуться той же участи, только въ болѣе краткій срокъ времени и въ болѣе угрожающихъ всему сословію размѣрахъ разоренія, нежели дворянство. Крестьяне лишатся навсегда и осѣдлости и земли, которая непосредственно ихъ кормила, и тогда придется правительству поселять, съ немалыми расходами, бездомныхъ крестьянъ снова на государственныя земли, если ихъ еще достаточно останется у него въ распоряженіи.

Съ этой точки зрѣнія обращеніе крестьянъ, посредствомъ выкупа ихъ душевыхъ надѣловъ, въ *земельныхъ собственниковъ,* есть ничто иное, какъ переводъ черезъ нихъ же самихъ государственныхъ земель изъ *неотчуждаемаго* крестьянскаго владѣнія въ руки такихъ лицъ другихъ сословій, которыя по своимъ занятіямъ ничего общаго съ трудомъ земледѣльца не имѣютъ, потому что эти собственники пріобрѣтенную ими отъ крестьянъ, на свои денежныя средства и обороты, землю никогда своими руками обработывать не будутъ.

Надо войти въ бытъ крестьянина, со всей его обстановкой, чтобъ понять, насколько бездомное и кочевое положеніе земледѣльца, при которомъ ему придется разстаться съ своимъ инвентаремъ: косой, сохой, бороной и другими земледѣльческими орудіями, а также съ рабочей лошадью и проч., должно препятствовать настоящему

успѣху всякаго сельскаго хозяйства и вредно отозваться на заработкахъ самого крестьянина.

У плотника есть свой инструментъ, у столяра, сапожника и всякаго ремесленника тоже, а у пахаря его не будетъ, такъ какъ его орудія громоздки, неудобны къ переноскѣ и требуютъ лишняго мѣста для помѣщенія, кормить же лошадь ему, не имѣющему уже осѣдлости, будетъ не по силамъ; слѣдовательно къ классу ремесленниковъ крестьяне причислены быть не могутъ, и, такимъ образомъ, они обратятся въ простыхъ рабочихъ, какъ тѣ, которые нанимаются на фабрики и заводы по разнымъ отраслямъ производства, попадая въ большую или меньшую кабалу промышленниковъ, съ тою лишь разницею, что фабричные живутъ большею частью на фабрикахъ же или заводахъ, а обезземеленнымъ крестьянамъ, не покидающимъ своихъ привычныхъ занятій, придется еще бродить по разнымъ мѣстностямъ нашего пространнаго отечества, для отысканія подручной имъ работы, которая требуется только въ извѣстныя и, по нашимъ климатическимъ условіямъ, большею частію непродолжительныя времена года.

Какимъ случайностямъ не подвергнется тогда сельское хозяйство, если оно обратится какъ бы въ фабричное производство, вовсе къ нему не подходящее, такъ какъ полеводство находится въ совершенной зависимости отъ явленій природы. Только очень большія имѣнія, при свободныхъ капиталахъ, будутъ въ состояніи содержать достаточное количество постоянныхъ работниковъ, не нужныхъ сельскому хозяину значительную часть года. Въ этихъ случаяхъ нѣкоторыя наши деревни могутъ со временемъ превратиться въ рабочія казармы при крупныхъ имѣніяхъ, тогда какъ у собственниковъ, не обладающихъ большими пространствами земли, ее будутъ воздѣлывать бродячіе и случайные работники, оторванные отъ почвы.

Какого же качества будетъ такая работа и какого достоинства будутъ эти рабочіе? Что станется съ сельскими хозяйствами небогатыхъ людей? А государство, какъ ра-

зорившійся крупный землевладѣлецъ, послѣ распродажи огромной части своего земельнаго имущества, не будетъ имѣть въ близкомъ будущемъ, при постоянно приростающемъ населеніи, достаточно земли для водворенія и упроченія осѣдлости обездоленныхъ и шатающихся крестьянъ, подавляющему большинству которыхъ останется одно— обращаться въ нищихъ и побираться по міру, покрайней мѣрѣ въ безрабочее для нихъ время.

Удаленіе отъ вѣрнаго пути, указываемаго намъ преданіями всей нашей исторической жизни, можетъ дѣйствительно породить у насъ *рабочій вопросъ*, который напрасно старались поднять, когда его у насъ не было, наши неизлѣчимые поклонники чужихъ порядковъ, обыкновенно и не знающіе, что дѣлается у насъ въ Россіи.

Рабочій недугъ мы видимъ только въ Западной Европѣ, гдѣ уже начался *переростъ* населенія и нѣтъ принадлежащихъ государству свободныхъ земель. Этотъ недугъ обостряется тамъ *пролетаріатомъ* на пути развитія матеріальныхъ силъ, и отъ него рождается, уже смущающая тамошнія правительства, *анархія*, съ неизвѣстнымъ изъ нея исходомъ, грозящая разложеніемъ государственнымъ организмамъ. Но для борьбы съ нею есть тамъ, пока вполнѣ матеріально обезпеченное, довольно многочисленное среднее сословіе (bourgeoisie) и огромные сосредоточенные въ его рукахъ частные капиталы, тогда какъ у насъ, для отпора этой бѣдѣ, нѣтъ такого собственно твердо сплоченнаго и матеріально обезпеченнаго сословія. Напротивъ того, прочно сплоченнымъ своимъ неотчуждаемымъ землевладѣніемъ у насъ доселѣ было только одно—малоимущее крестьянское сословіе, своею численностью превосходящее всѣ другія въ государствѣ. Что же до частныхъ соединенныхъ въ громадныя суммы капиталовъ, то такихъ у насъ нѣтъ. Если какіе нибудь капиталы и собираются для разныхъ предпріятій, то въ относительно незначительныхъ размѣрахъ, и въ общественномъ обращеніи они незамѣтны. Это убѣждаетъ, кажется, достаточно въ необходимости предупрежденія, чтобы язвой бѣдноты (пау-

перизма), разъѣдающей политическіе организмы Западной Европы, не заразилось наше государственное тѣло?

Земля всегда и исключительно обработывалась у насъ крестьянами. Ихъ бытъ складывался не по предписаніямъ начальства и не регламентаціей правительства, а смысломъ народа и исторической его жизнью на лонѣ природы. Свидѣтельство тому представляютъ наши однодворцы. Они были обращены изъ мелкихъ дворянъ-собственниковъ въ крестьяне за противленіе нѣкоторымъ преобразовательнымъ указамъ Петра Великаго, причемъ, однако, сохранили за собою свои собственныя земли, извѣстныя нынѣ подъ названіемъ *четвертныхъ надѣловъ*.

Войдя впослѣдствіи въ составъ государственныхъ крестьянъ, они обратили права собственности на свои небольшіе участки въ потомственное общинное землевладѣніе вмѣстѣ съ поселенными въ однѣхъ съ ними дачахъ однодворцами и приняли устройство и обычаи всѣхъ остальныхъ крестьянъ, сохранивъ, такимъ образомъ, въ ряду нѣсколькихъ поколѣній свои земли не уменьшенными и недробимыми. Это показываетъ, что они не только поняли всю разумность *неотчуждаемаго общиннаго* владѣнія, но и предпочли его своимъ правамъ собственности на принадлежащія имъ земли.

Общинное устройство крестьянъ, какъ мы это видѣли, представляетъ слѣдующія выдающіяся стороны ихъ быта: крѣпость семейнаго союза; неотчуждаемость землевладѣнія; главенство Міра надъ общиной; патріархальную власть главы семейнаго союза—домохозяина надъ сплоченными во дворѣ единицами рабочей силы общины; прочность и опредѣленность этой единицы—тягла и вытекающую само собою изъ органической связи всѣхъ этихъ основъ крестьянскаго быта—круговую поруку. Это ставитъ крестьянина въ относительную независимость, потому что не имѣя большей частью личной земельной собственности, и по состоянію своему принадлежа къ неимущему классу, онъ все таки болѣе обезпеченъ въ своемъ существованіи, чѣмъ малоимущіе всѣхъ другихъ сословій въ государствѣ.

Бытъ крестьянъ въ текущемъ столѣтіи до ихъ освобожденія, здѣсь описанный, и воздѣйствіе на него Положеній 19 февраля 1861 года и послѣдующихъ, выше мною изложенное, подтверждаютъ слова моего предисловія къ труду: „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II“ (Томъ первый, стр. V), что „крестьянское дѣло по свойству его нельзя считать вполнѣ завершившимся въ одно царствованіе — оно осталось какъ бы въ наслѣдіе и послѣдующимъ“.

III.

Предстоящія мѣры для установленія прочныхъ отношеній крестьянскаго населенія къ землѣ.

Предъ началомъ дѣйствія выкупной операціи, предпринятой для развязки крѣпостныхъ отношеній между помѣщиками и бывшими ихъ крестьянами и перенесенной затѣмъ въ 1886 году, повидимому изъ подражанія Положенію 19 февраля, и на устройство поземельныхъ отношеній между казною и государственными крестьянами, землевладѣніе въ Россіи распредѣлялось такимъ образомъ:

Во владѣніи обществъ крестьянъ всѣхъ наименованій состояло болѣе *ста тридцати милліоновъ* десятинъ.

Въ частной собственности лицъ всѣхъ сословій—до *девяносто двухъ милліоновъ,* въ томъ числѣ въ собственности дворянства—*семьдесятъ три милліона* десятинъ.

Во владѣніи государства (казенныхъ земель, не состоящихъ въ крестьянскомъ пользованіи),—болѣе *ста пятидесяти милліоновъ* досятинъ [1]).

Изъ остальныхъ земель принадлежали: свыше *десяти милліоновъ* десятинъ различнымъ юридическимъ лицамъ,

---

[1]) Впрочемъ, двѣ трети этихъ земель, а именно до *ста милліоновъ* десятинъ, падаетъ на малоудобныя для обитанія губерніи крайняго сѣвера (Архангельскую и Вологодскую), а изъ остающихся пятидесяти милліоновъ десятинъ большая часть состоитъ изъ лѣсныхъ пространствъ, неприкосновенность коихъ необходима въ виду того, что лѣсоистребленіе можетъ имѣть пагубное вліяніе на физическія условія всей поверхности Европейской Россіи.

учрежденіямъ и обществамъ, а до *семи съ половиной милліоновъ*—удѣламъ[1]).

На показанныхъ болѣе *ста тридцати милліонахъ* десятинахъ земли, предоставленной во владѣніе крестьянскихъ обществъ, проживаетъ свыше 60,000,000 земледѣльческаго населенія, служащаго вмѣстѣ съ тѣмъ и рабочей силой для помянутыхъ *девяносто двухъ милліоновъ* десятинъ, состоящихъ въ частной собственности лицъ разныхъ сословій.

Въ нашемъ общемъ обзорѣ мы старались выяснить, насколько будущее русскаго народа и государства зависитъ отъ установленія правильныхъ отношеній сельскаго населенія къ землѣ, на которой оно водворено. Мы указывали на то, что̀ должно произойти съ помянутымъ количествомъ болѣе *ста тридцати милліоновъ* десятинъ земли, предоставленной во владѣніе крестьянамъ, если государственная власть не довершитъ теперь же устройства крестьянскаго сословія, которому установленія 19 февраля 1861 года могли положить только начало.

Чѣмъ ближе будетъ подходить срокъ окончанія выкупной операціи, тѣмъ шире будетъ примѣненіе извѣстной 165-й статьи Положенія о выкупѣ, приведенной нами въ подлинномъ изложеніи (выше стр. 40).

Изъ дѣлопроизводства Правительствующаго Сената (по второму Департаменту) видно, что уже и въ настоящее время является не мало вызываемыхъ, можно сказать, этой статьей охотниковъ скупать участки крестьянскихъ земель у разорившихся домохозяевъ. Эти послѣдніе, занимая деньги у лицъ, постороннихъ для крестьянскаго общества, вносятъ въ уплату падающей на нихъ части остающагося на цѣломъ обществѣ выкупнаго долга и, по выкупѣ такимъ образомъ изъ казны своего участка, немедленно передаютъ

---

[1]) Приводимыя цифры, доставленныя мнѣ предсѣдателемъ Статистическаго Совѣта при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ П. П. Семеновымъ, относятся только до губерній Европейской Россіи, при чемъ не принимаются здѣсь въ разсчетъ: Финляндія, Привислянскія губерніи и Кавказъ См: поземельная собственность въ Европейской Россіи. Изданіе Центральнаго Статистическаго Комитета 1886 года.

его въ руки скупщика—своего предупредительнаго кредитора.

Этимъ путемъ перешла доселѣ, конечно, еще не особенно большая частичка упомянутыхъ выше *ста тридцати милліоновъ* десятинъ въ частную собственность скупщиковъ; но чѣмъ далѣе, тѣмъ быстрѣе пойдетъ расхищеніе крестьянскихъ надѣловъ. При окончательномъ же погашеніи выкупнаго долга не будетъ уже никакихъ препятствій къ продажѣ какъ отдѣльными крестьянами, такъ и цѣлыми обществами, земель, обратившихся въ ихъ собственность, и скупка разовьется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Чтобы выйдти благополучно слишкомъ шестидесятимилліоному крестьянскому населенію Россіи изъ неопредѣленнаго и разорительнаго его положенія, нуженъ рядъ мѣръ, установляющихъ заранѣе, до срока погашенія выкупныхъ платежей, и на прочныхъ основаніяхъ, крестьянское землѣвладѣніе.

Къ этому, какъ видно изъ представленныхъ здѣсь соображеній, могутъ вести слѣдующія мѣры:

1) Надлежитъ признать за крестьянскими обществами право *неотчуждаемаго* владѣнія на земли, доставшіяся крестьянамъ, какъ на основаніи Положенія 19 февраля 1861 года и послѣдовавшихъ за нимъ, такъ и по устройству сельскаго состоянія прочихъ крестьянъ прежнихъ различныхъ наименованій, съ сохраненіемъ этого права неотчуждаемости земель за обществами крестьянъ и впредь, при водвореніи ихъ на государственныхъ земляхъ, безъ различія, находятся-ли помянутыя земли въ общинномъ или подворномъ пользованіи крестьянъ, такъ какъ тотъ или другой способъ владѣнія былъ предоставленъ уже Положеніемъ 19 февраля усмотрѣнію самихъ крестьянскихъ обществъ и обусловленъ, сложившимися исторически, мѣстными обычаями.

Прямымъ послѣдствіемъ этого является необходимость отмѣны 165-й статьи Положенія 19 февраля 1861 года и немедленное запрещеніе при общинномъ владѣніи—цѣ-

лымъ обществамъ, а при подворномъ—домохозяевамъ отчуждать свои надѣльныя земли въ постороннія руки, т. е. лицамъ, не принадлежащимъ къ крестьянскому обществу.

2) Слѣдуетъ устранить выкупную операцію, какъ для бывшихъ владѣльческихъ, такъ и для государственныхъ и прочихъ наименованій крестьянъ, превращеніемъ ежегодныхъ *выкупныхъ* платежей въ вѣчные *оброчные* платежи за предоставленныя крестьянамъ въ *неотчуждаемое* владѣніе земли.

Замѣна выкупа вѣчнымъ оброкомъ необходима потому, что запрещеніе собственникамъ, уже выкупившимъ находящуюся въ ихъ владѣніи землю, отчуждать ее, по ихъ усмотрѣнію, было бы равносильно лишенію ихъ права *собственности* на эту землю, а укрѣпленіе земли за крестьянскимъ сословіемъ возможно лишь при *неотчуждаемости* владѣнія его. Изъ этой дилеммы выйти нельзя.

Замѣною выкупа оброчными платежами облегчится участь крестьянъ бывшихъ крѣпостными, такъ какъ ихъ оброчные взносы могутъ быть приравнены къ оброчнымъ платежамъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что если нѣкоторое общее уменьшеніе крестьянскихъ платежей, за пріобрѣтеніе ими въ собственность ихъ надѣльныхъ участковъ, теперь же неотложно послѣдуетъ, хотя и подъ условіемъ замѣны правъ собственности *неотчуждаемостью* землевладѣнія, то крестьяне останутся довольны этой, облегчающей ихъ перемѣной, и она пройдетъ тѣмъ незамѣтнѣе, чѣмъ значительнѣе будетъ возможное пониженіе для нихъ платежей, ибо нашъ крестьянинъ предпочитаетъ всегда ближайшую и непосредственно представляющуюся ему выгоду—отдаленнымъ, хотя и бо́льшимъ выгодамъ, для него неосязательнымъ. Съ этимъ согласится всякій, кто только знаетъ русскій народъ. И справедливо-ли на одно только поколѣніе, выносившее на себѣ гнетъ крѣпостнаго состоянія, а много на два, возложить все бремя развязки крѣпостныхъ путъ и заставить одни эти поколѣнія заплатить впередъ за возможное въ будущемъ благосостояніе ихъ внуковъ или правнуковъ, которые

могутъ еще не захотѣть или не съумѣютъ воспользоваться плодами жертвъ, понесенныхъ ихъ отцами и дѣдами.

Отъ пріобрѣтенія крестьянами земель въ собственность посредствомъ установленнаго выкупа, могутъ возникнуть неизбѣжныя затрудненія послѣ 1910 года, т. е. по истеченіи 49-ти лѣтъ отъ утвержденія Положеній 19 февраля 1861 года, когда настанетъ для множества сельскихъ обществъ погашеніе, послѣднимъ взносомъ, выкупнаго долга, и общій почти *стомилліонный* годовой окладъ выкупныхъ платежей начнетъ быстро таять [1]). Тогда сосѣднія съ ними крестьянскія общества, для которыхъ послѣдніе взносы будутъ наступать лишь въ болѣе близкомъ или отдаленномъ будущемъ, станутъ въ неуравнительное положеніе съ покончившими свои выкупные разсчеты обществами, отъ того только, что дѣды или отцы крестьянскихъ семей не позаботились или не могли приступить ранѣе къ выкупу своихъ земельныхъ участковъ. Этой неуравнитель-

[1]) Взимавшіеся съ государственныхъ крестьянъ и другихъ сельскихъ сословій государственная оброчная подать и замѣняющіе ее сборы, а также лѣсной налогъ были переложены 12 іюня 1886 года, съ 1 января 1887 года—въ *выкупные* платежи (Зак. Сост. Особ. Прилож. VII Пол. Гос. крест. ст. 3 (прим.) прил. по прод. 1890 г.). Суммы выкупныхъ платежей установлены, въ законодательномъ порядкѣ, для каждой губерніи въ неизмѣнномъ размѣрѣ на весь срокъ выкупа. Взиманіе ихъ прекращается окончательно съ 1 января 1931 года, и тогда для государственныхъ крестьянъ настанетъ тоже положеніе, что для бывшихъ временно-обязанныхъ послѣ 1910 года, съ тою лишь разницею, что прекращеніе выкупныхъ платежей для всѣхъ государственныхъ крестьянъ будетъ одновременное. Ежегодная сумма ихъ выкупныхъ платежей, утвержденная законодательнымъ порядкомъ того же 12 іюня 1886 года составляетъ 49.036,884 рубля. Взиманіе выкупныхъ платежей съ государственныхъ крестьянъ было вызвано желаніемъ отмѣнить подушную подать съ тѣмъ, чтобы пополнить въ государственномъ бюджетѣ убыль отъ этой отмѣны. Сборъ съ помянутыхъ крестьянъ былъ повышенъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ немъ заключалась, кромѣ оброчной, и отмѣненная подушная подать. Къ счастію, закономъ 1886 года о преобразованіи оброчной подати въ выкупные платежи не былъ прямо предрѣшенъ выкупъ государственными крестьянами ихъ надѣльныхъ земель въ собственность, потому что на нихъ не были распространены тѣ статьи положенія о выкупѣ, которыми бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ были предоставлены способы обращенія въ собственность отведенныхъ имъ надѣловъ, даже и ранѣе общаго срока погашенія выкупныхъ платежей. Поэтому преобразованіе выкупныхъ платежей государственныхъ крестьянъ въ вѣчную оброчную повинность еще легче осуществить, чѣмъ переложеніе выкупныхъ платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

ности не поймутъ крестьяне, продолжающіе тогда платить выкупъ за свои земли. Имъ будетъ легко представляться, что получившіе земли въ свою собственность ихъ сосѣди не несли на себѣ всей тяготы длившагося долгіе годы выкупа или, по крайней мѣрѣ, не прилагали къ этому дѣлу своихъ большихъ усилій, что, слѣдовательно, земля достается имъ какъ бы задаромъ. Это можетъ породить народное неудовольствіе. Но можетъ случиться и другое, вслѣдствіе накопившихся уже теперь значительныхъ недоимокъ по выкупнымъ платежамъ и возможныхъ, отъ времени до времени посѣщающихъ народы, бѣдствій, подобныхъ только что постигшему въ минувшемъ 1891—1892 году многія мѣстности Россіи сильному неурожаю, при нынѣшнемъ общемъ обѣдненіи у насъ крестьянъ, выкупъ въ собственность ихъ надѣльныхъ земель можетъ и не состояться въ опредѣленныхъ положеніями размѣрахъ платежей, или по крайней мѣрѣ потребовать отдаленія сроковъ завершенія выкупа [1]).

Эти затрудненія устраняются совершенно превращеніемъ выкупныхъ платежей въ оброчные.

3) Въ обществахъ крестьянъ, гдѣ существуетъ общинный порядокъ землевладѣнія, надлежитъ возстановить прежніе *тягловые* участки, опредѣливъ для данныхъ мѣстностей такой нормальный ихъ размѣръ, не допускающій уменьшенія участка, чтобы правильное веденіе на немъ хозяйства было возможно и удобно.

Въ густонаселенныхъ черноземныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, удовлетворительный размѣръ могутъ представ-

---

[1]) Изъ свѣдѣній, обязательно мнѣ доставленныхъ директоромъ Департамента Окладныхъ Сборовъ Министерства Финансовъ Ив. Дм. Слободчиковымъ, видно, что къ 1 января 1892 года на крестьянахъ въ Европейской Россіи состояло недоимокъ по выкупнымъ платежамъ до 68.000,000 рублей. Изъ нихъ: на бывшихъ крѣпостныхъ—болѣе 22.000.000 на удѣльныхъ—свыше 3.000,000 и на бывшихъ государственныхъ—до 43.000,000 рублей. Такимъ образомъ, недоимки все-таки далеко не превосходятъ полнаго годоваго оклада выкупныхъ платежей, достигающаго до 100.000,000 рублей. При этомъ замѣчательно то, что государственные крестьяне, сравнительно съ ихъ окладомъ и численностью, состоятъ въ бо̀льшихъ недоимкахъ, чѣмъ бывшіе крѣпостные.

лять *семь съ половиной десятинъ* на тягло, что составитъ, при трехпольномъ хозяйствѣ, *двѣ десятины* запашки въ каждомъ полѣ и *полторы десятины* подъ усадьбу, огородъ и на долю сѣнокоса.

Въ обществахъ, гдѣ въ обычаѣ подворное пользованіе землями, должна быть опредѣлена наименьшая величина подворнаго участка, далѣе которой дробленія переходящихъ по наслѣдству участковъ допускать не слѣдуетъ.

Эти мѣры должны положить предѣлъ раздробленію крестьянскихъ земельныхъ участковъ на такіе клочки, на которыхъ веденіе хозяйства дѣлается затруднительнымъ или совсѣмъ невозможнымъ.

4) Разверстаніе тягловыхъ участковъ въ общинахъ между домохозяевами должно быть предоставлено Міру, какъ это и прежде всегда было у крестьянъ, безъ вмѣшательства мѣстной власти въ это домашнее ихъ дѣло.

5) Въ крестьянскихъ обществахъ, гдѣ земли состоятъ въ подворномъ пользованіи, продажа и переуступка подворныхъ участковъ постороннимъ людямъ, не входящимъ въ составъ общества, не должны быть допускаемы. При переуступкѣ же или продажѣ участковъ одними домохозяевами другимъ необходимо возбранить скопленіе участковъ въ однѣхъ рукахъ или подбираніе ихъ одними и тѣми же домохозяевами.

6) Въ селахъ и деревняхъ, гдѣ, при порядкѣ общиннаго землевладѣнія переростъ населенія обнаруживается ясно, тѣмъ прибывающимъ брачнымъ парамъ, которымъ, при нежеланіи ихъ выйти изъ крестьянскаго состоянія, не будетъ доставать тягловыхъ участковъ, долженъ быть открытъ и облегченъ выходъ или въ тѣ общества, въ коихъ окажется избытокъ тягловыхъ участковъ, или на свободныя земли государства, въ мѣстностяхъ той же или другихъ губерній.

Порядокъ такихъ выходовъ надлежитъ опредѣлить особымъ уставомъ правительства о переселеніяхъ.

7) Крестьянскій *Міръ* долженъ быть возстановленъ во всемъ прежнемъ его значеніи, а для того необходимо из-

бавить его отъ регламентаціи въ постановленіи приговоровъ, введенной Положеніемъ 19 февраля 1861 года и оказавшейся на дѣлѣ крайне неудовлетворительной и подрывающей основы мірскаго устроенія, именно: а) отмѣнить *рѣшающее большинство* голосовъ на сельскихъ сходахъ и признавать приговоры ихъ тогда только состоявшимися, когда они постановлены *единогласно*, какъ это было у нихъ всегда и прежде; б) предоставить Міру самому опредѣлить, кого, кромѣ домохозяевъ, считаетъ онъ нужнымъ и справедливымъ допускать на сходы въ своихъ обществахъ, согласно преданію и обычаямъ, какъ это велось до введенія Положеній 19 февраля 1861 года [1]).

Этими мѣрами будетъ достигнуто съ одной стороны то, что въ крестьянскомъ сословіи разовьется самодѣятельность, пробудится забота о своихъ общихъ дѣлахъ и явится расположеніе къ труду, какъ скоро крестьяне выйдутъ изъ состоянія автоматовъ, въ которыхъ обращаетъ ихъ бюрократическая регламентація, имъ чуждая и совершенно для нихъ непонятная, а съ другой стороны развившееся исторически изъ народнаго быта и самостоятельно сложившееся крестьянское устройство будетъ только облегчать правительство въ его заботахъ о благосостояніи всего сельскаго населенія и содѣйствовать мѣстной власти къ охраненію общественнаго порядка, въ которомъ такъ нуждаются всѣ сословія государства послѣ реформъ, смѣнявшихся у насъ продолжительное время безъ отдыха и срока и разшатавшихъ до нѣкоторой степени устои нашего общественнаго быта.

8) Каждое крестьянское общество, направленное ука-

[1]) Значеніе міра въ народномъ понятіи хорошо разобрано нашимъ покойнымъ историкомъ Константиномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ въ его письмѣ къ Н. Н., написанномъ собственно къ бывшимъ членамъ Редакціонныхъ Комисій Ю. Ѳ. Самарину и князю В. А. Черкасскому. Тамъ, между прочимъ, вѣрно опредѣлено, что „когда міръ признаетъ себя міромъ, тогда онъ и міръ“. См. „Замѣчанія на новое административное устройство крестьянъ въ Россіи“. Лейпцигъ, у Франца Вагнера 1861 года, стр. 7—19 и журналъ Ив. Серг. Аксакова „Русь“ 1 и 15 февраля и марта 1883 года, № 3. 4 и 5, а также см. „Освоб. крестьянъ въ царств. Императора Александра II“, Н. П. Семенова. Томъ первый, стр. 505 и 506.

занными мѣрами къ возстановленію, на прочныхъ семейныхъ началахъ, прежняго своего вѣковаго устройства, должно представлять самостоятельную, независимую въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ ни отъ волости, ни отъ другихъ сельскихъ обществъ, и отвѣтственную бытовую единицу, при сношеніяхъ съ правительствомъ, по исполненію требованій государственной власти.

9) Тамъ, гдѣ порядокъ землевладѣнія въ селахъ и деревняхъ общинный, слѣдуетъ оставить въ силѣ круговую поруку въ томъ смыслѣ, какъ она вытекаетъ изъ строя общины, представляющей единицу для раскладки государственныхъ податей при ихъ взиманіи, т. е. въ смыслѣ неминуемой отвѣтственности всего общества за неисправныхъ въ исполненіи своихъ обязанностей домохозяевъ, такъ какъ они состоятъ подъ попечительствомъ Міра.

Такая круговая порука, при тягловыхъ участкахъ, не представляетъ никакого неудобства для исправныхъ крестьянъ, такъ какъ отъ міра всегда зависитъ, въ случаѣ постоянныхъ недоимокъ, отбирать, временно тягловые участки отъ неисправныхъ крестьянъ и передавать ихъ другимъ, на условіи уплаты накопившихся недоимокъ.

10) Для согласованія вышепредложеннаго съ порядкомъ волостнаго управленія, необходимо измѣнить нѣсколько характеръ нынѣшней волости и отношеній ея къ крестьянскому населенію, обращеніемъ ея въ центръ мѣстнаго управленія, въ которомъ были бы сосредоточены лишь органы правительства, имѣющіе ближайшее или непосредственное прикосновеніе къ народу. Для этого надлежитъ упразднить волостные сходы, и тогда порядокъ выбора въ должность волостнаго старшины можетъ быть значительно упроченъ, напримѣръ, такимъ образомъ, чтобы каждое сельское общество, а мелкія, соединяясь въ одно, выбирали на своемъ сельскомъ сходѣ кандидатовъ изъ своей среды на помянутую должность. Назначеніе же изъ нихъ старшины должно принадлежать, какъ и теперь, земскому начальнику. Что касается прочихъ волостныхъ должностей. онѣ могутъ безъ ущерба дѣлу замѣщаться уже прямо мѣст-

ной властью. Остальныя отправленія волостныхъ сходовъ, кромѣ выборовъ въ должности, напримѣръ раскладки волостныхъ повинностей между сельскими обществами и т. п., могутъ удобно совершаться, и помимо сходовъ, сельскими старостами и волостными старшинами, съ утвержденіемъ земскаго начальника.

Эти предлагаемыя измѣненія оправдываются слѣдующими соображеніями: тридцатилѣтній опытъ показалъ нынѣ, что волость есть необходимая единица только для мѣстнаго государственнаго управленія, но что для мірскаго крестьянскаго —волостные сходы никакого значенія не имѣютъ. Крестьянскія общества разныхъ селъ и деревень, ничѣмъ между собой несвязанныя, живаго и полезнаго участія въ управленіи волостью не принимаютъ, и къ тому, какъ идутъ въ ней дѣла, совершенно равнодушны. Выборщики отъ разныхъ сельскихъ обществъ, собираемые на волостные сходы, знаютъ коротко крестьянъ своей деревни, но не могутъ такъ знать крестьянъ сосѣднихъ деревень. Самые выборы въ волостныя должности даютъ поводъ къ интригамъ, простому быту несвойственнымъ, и къ разнымъ злоупотребленіямъ. Домогающіеся избранія не щадятъ вина для привлеченія на свою сторону выборщиковъ, а эти попойки, во всемъ ихъ грубомъ безобразіи, портятъ совершенно сельскіе нравы и порождаютъ пороки въ простонародьи, даже плодятъ преступленія, изъ коихъ самымъ обыкновеннымъ и легкимъ теперь сдѣлались умышленные поджоги, слабо преслѣдуемые. Это общественное бѣдствіе стало нынѣ настоящимъ бичемъ всего сельскаго населенія въ Россіи. Все это, теперь сложное для простаго быта, административно-хозяйственное устройство волости ложится тяжелымъ и по меньшей мѣрѣ безполезнымъ бременемъ на крестьянскія общества. Предполагаемыя перемѣны подходятъ къ характеру института земскихъ начальниковъ, которые, по свойству ихъ обязанностей, состоятъ уже попечителями крестьянъ.

Нельзя не признать этого учрежденія, по замыслу его, однимъ изъ удачнѣйшихъ за все время нашихъ преобразованій. Оно было вызвано потребностями народной жизни,

и построено не на отвлеченныхъ умозрѣніяхъ, поэтому оно само какъ бы указываетъ на тѣ еще измѣненія, которыя необходимы для поднятія и упроченія сельскаго благосостоянія. Чѣмъ непосредственнѣе будутъ отношенія земскихъ начальниковъ къ крестьянскому сословію, какъ прежде, въ началѣ крестьянской реформы, они были установлены для мировыхъ посредниковъ, тѣмъ виднѣе будетъ, какія еще менѣе важныя перемѣны могутъ быть сдѣланы для возстановленія прежняго вѣковаго порядка, ограждавшаго не рѣдко быть крестьянъ даже отъ злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ.

Предлагаемыя здѣсь мѣры, при существованіи института земскихъ начальниковъ, вполнѣ осуществимы, но могутъ имѣть значеніе лишь взятыя въ ихъ совокупности.

Въ настоящее время въ большомъ ходу мнѣніе, что малѣйшая перемѣна, внесенная въ новое у насъ пореформенное устройство, опрокидываетъ и сокрушаетъ его до основанія.

Въ подкладкѣ такого понятія лежитъ крупное недоразумѣніе, требующее объясненія.

Жизнь нигдѣ не останавливается въ своемъ развитіи, котораго остановка —есть смерть. Измѣняется вся природа; но *организмъ* имѣетъ свои прочные устои, и ничего чуждаго и посторонняго въ продолженіе своего существованія принять въ себя и усвоить себѣ не можетъ. Организмъ или отбрасываетъ посторонній, случайно внесенный въ него, предметъ, или, при безсиліи своемъ къ тому, разстается съ жизнью.

Государство, какое бы ни было его правленіе, есть, какъ сказано въ самомъ началѣ этой статьи, политическій *организмъ*, въ которомъ развивается жизнь народа, при чрезвычайно разнообразныхъ обстоятельствахъ, слагаемыхъ исторіей. Государство не можетъ не слѣдовать законамъ природы. Оно также должно имѣть свои прочные устои. Никакое правительство не можетъ остановиться въ своей дѣятельности и перестать вносить въ

государственную жизнь перемѣны, соотвѣтствующія развивающимся потребностямъ государства и народа.

Такимъ постояннымъ и неустаннымъ обновленіемъ должно быть поддерживаемо государственное зданіе, какъ бы прочно оно ни было, но измѣненія въ живомъ организмѣ цѣлаго народа могутъ простираться только на его отправленія. Эти измѣненія не должны колебать устоевъ въ немъ жизни, поврежденіе которыхъ ставитъ организмъ въ большую опасность и всегда грозитъ ему разрушеніемъ.

Бываютъ эпохи въ жизни государства, когда реформы вызываются осязательною необходимостью. Онѣ могутъ быть уподоблены операціямъ въ живомъ тѣлѣ, требующимъ послѣ ихъ совершенія и большой осторожности, и достаточнаго времени для возстановленія жизненныхъ силъ.

Безъ сомнѣнія реформа освобожденія крестьянъ была такою *осязательною* необходимостью, и совершилась благополучно; но не всѣ еще условія осторожности, соблюдаемыя послѣ сдѣланной операціи, были выполнены, какъ уже послѣдовалъ рядъ спѣшныхъ реформъ, отчасти вызванныхъ, а отчасти и невызывавшихся вовсе такою необходимостью, какою была вызвана крестьянская. Ими внесено немало посторонняго, иноземнаго, совершенно намъ чуждаго, въ наше государственное устроеніе. Это постороннее коснулось отчасти и вѣковыхъ устоевъ нашей народной жизни.

Если государственный организмъ еще крѣпокъ и сильна въ немъ реакція, то все постороннее, ему чуждое, чего онъ усвоить себѣ не можетъ, будетъ естественно имъ выброшено. Но если организмъ оказался бы на столько ослабленнымъ, что потребовалась бы ему помощь для удаленія чуждаго въ него внесеннаго, то правительству предстояли бы и еще реформы въ будущемъ. Поэтому, мнѣ кажется, нѣтъ причины смущаться тѣмъ, что правительство намѣрено принять въ потребномъ случаѣ ту или другую мѣру, когда эта мѣра клонится къ укрѣпленію того или другаго поколебленнаго основанія нашихъ настоящихъ вѣковыхъ устоевъ народной жизни. А еще менѣе основанія думать,

что чужое, къ намъ внесенное, хотя бы оно принималось и за совершенство, должно быть, во чтобы то ни стало, навязываемо народу, даже и тогда, когда заимствованное и мнимое усовершенствованіе не приноситъ намъ пользы и становится народу невыносимымъ.

Своевременное принятіе мѣръ, вызываемыхъ народною жизнью и мѣстными потребностями, является всегда государственною необходимостью.

Николай Семеновъ.

26 декабря 1892 года.

